

Роман Афанасьев

Принцесса

и чудовище

Чудовище

Роман Афанасьев
Принцесса и чудовище

«Автор»

2022

Афанасьев Р.

Принцесса и чудовище / Р. Афанасьев — «Автор»,
2022 — (Чудовище)

Граф Сигмон Ла Тойя, человек, из которого безумный маг пытался создать кровожадное чудовище, обрел мир и покой. После войны с упырями Сигмон вновь вернулся на королевскую службу. Казалось, что все трудности и кровавые битвы позади. Но Сигмон Ла Тойя не создан для мирной жизни. На этот раз на карту поставлена и его жизнь, и жизнь его друзей, и судьба всего королевства Ривастан. Сигмону – и тому чудовищу, что живет внутри его, – придется выбирать между жизнью и смертью, спасением и бегством, дружбой и предательством. И даже он сам не сможет сказать заранее, кто победит в нем – Чудовище или Человек.

© Афанасьев Р., 2022

© Автор, 2022

Содержание

Часть первая	5
Конец ознакомительного фрагмента.	59

Роман Афанасьев

Принцесса и чудовище

Часть первая

КОРОЛЕВСКИЙ ГОНЕЦ

Дорога шла под гору, и неповоротливый экипаж двигался медленно. Четверка лошадей, сдерживаемая твердой рукой кучера, осторожно ступала по подмерзшей грязи. Скрипел каретный тормоз – возница то прижимал рычаг, то отпускал, не позволяя экипажу превратиться в сани – колеса с широкими ободьями не вязли в грязи, зато превосходно по ней скользили. И тяжелая повозка, что была раза в два больше обычной кареты, так и норовила съехать с горы.

Дорогу, и без того скользкую, как болотная гадюка, прихватил ночной морозец, и кучеру стоило больших трудов удерживать экипаж от рывков. Но он старался, как мог, поминая про себя всех богов, и тех, в которых верил, и тех, в существовании которых сильно сомневался.

Пейзаж не менялся уже несколько дней: справа высился пологий склон горы, заросший могучими соснами. Слева склон уходил вниз, но густой лес, покрывавший склоны горы, мешал увидеть долину, раскинувшуюся между двух гор. Небо затянули низкие тучи, и хотя близился полдень, но сегодня солнце так и не смогло пробиться сквозь мутную пелену осени. Мелкий холодный дождь в любой момент мог обратиться в снег, и кучер отчаянно молился, чтобы этого не произошло. Осень – не лучшее время года для путешествий по горам. Утешало одно – еще несколько часов, и они спустятся в долину. Перевал останется за спиной, и путники смогут заночевать в ривастанском пограничном городке. Опасные горные дороги станут лишь неприятным воспоминанием, а впереди раскинется мечта любого возницы – широкий тракт, ведущий от окраины страны к ее столице. К Риву.

По окну в дверце экипажа заколотили молоточки тяжелых капель дождя, и Бертар Борфейм задернул шторку. Откинулся на мягкую спинку сиденья, обтянутую бордовым бархатом, и тяжело вздохнул. Прямо перед ним высилась перегородка, делившая экипаж на две половины. Она была обита темной кожей, и круглые головки серебряных гвоздей тускло блестели в полутьме. Так же тускло поблескивал квадратик полированной стали, висевший на стенке и заменявший Бертару походное зеркало. Он запотел, и вместо лица владельца в нем отражалось темное пятно. Борфейм поднял руку, провел по подбородку, заросшему жесткой щетиной. Ничего не видно. А бриться наугад... Вozить по горлу бритвой в прыгающей по кочкам карете – чистое самоубийство. Пальцы наткнулись на старый шрам под ухом, и Бертар нахмурился. Он провел пальцем выше, по высохшим щекам, потрогал лоб... Он чувствовал морщины даже так – на ощупь. Ему не нужно было зеркала, чтобы вновь увидеть то, что он знал. Осунувшееся лицо, темные тени под глазами, лучики морщин, седые виски, сухая кожа, обтягивающая узкие скулы... Сорок пять – еще не старость для лорда Северных гор. Но и молодостью это не назовешь. Поясница ноет от неудобного сиденья, все мышцы затекли, а колени зудят так, словно в суставы насыпали песка. Проклятая всепроникающая сырость пропитала и внутренности экипажа, и походную одежду, ставшую и холодной, и тяжелой. Свербит в носу, хочется чихать, в горле скребут осколки льда. Осень за окном, осень внутри, осень в душе.

– Ничего, – прошептал Бертар мутному пятну, отражавшемуся в походном зеркале. – Я еще увижу, как взойдет солнце.

Он откинулся на спинку сиденья и взглянул вверх. Там, под высоким для кареты потолком, горела свеча, упрятанная в стеклянный плен фонаря. При такой тряске зажигать лампу опасно – масло может расплескаться, и тогда пожара не миновать. Вот и приходилось жечь

свечи, самые лучшие, самые яркие, от поставщика королевского двора Тарима – мастера Вога. И все же это были всего лишь свечи – тусклые огоньки в сгустившейся вокруг Бертара тьме.

Лорд Бертар Борфейм, герцог Северных гор, второй сын короля Гриенора Борфейма, выпрямился и расправил плечи. Нет. Это еще не конец. Это не закат, а всего лишь сумерки. Его солнце, сиявшее на гербе золотым кругом, еще покажется из-за гор и засияет так же ярко, как и положено солнцу королевского герба.

– Вэлла! – позвал он. – Ты не спишь?

Из-за стены, делившей походный экипаж надвое, раздался скрип сиденья, и приглушенный девичий голос ответил:

– Нет, дядя.

– Иди сюда, поговори со стариком. Проклятая дорога не дает мне заснуть.

Дверь в перегородке распахнулась, и в темном проеме появилась хрупкая фигура девушки. Она была в длинном шерстяном платье, подходящем для путешествия больше, чем дворцовые наряды, а на узкие плечи была накинута куртка из серых шкур горных белок. Неприбранные белые волосы раскинулись по плечам, а длинный локон упал на покрасневшую щеку.

Герцог с удовольствием рассматривал племянницу. Точеный хрупкий подбородок, фамильные торчащие скулы, прямой и чуть заостренный нос. Вряд ли ее можно назвать красавицей – слишком острые черты лица, больше похожа на птичку, чем на покорительницу мужских сердец. Если она рассердится, подожмет губы и начнет сверкать своими синими, как небо, глазами – станет копией отца. Братец постарался на славу – его породу узнает всякий, и нет сомнений, что в жилах девицы течет королевская кровь Борфеймов. Бертар сжал зубы. Его собственный сын тоже похож на него, и в нем тоже течет королевская кровь, но сейчас... Бертар нахмурился и покачал головой. Нет. Об этом не нужно думать.

– Дядя?

Герцог вскинул голову. Вэлланор стояла рядом, держась рукой за стену, и рассматривала спутника.

– Что-то случилось, дядя? Вам нехорошо?

– Нет, моя принцесса, со мной все в порядке, – герцог заставил себя улыбнуться. – Просто меня утомила дорога. Садись рядом, расскажи мне что-нибудь хорошее и светлое, чтобы сделать этот день чуточку светлей.

Девушка присела на сиденье рядом с герцогом, откинула за спину тугую прядь светлых волос.

– Дядюшка, вы опять называли меня принцессой, – с укором проговорила она. – Нельзя так делать, отец всегда ругается, когда кто-то так говорит.

– Твой отец далеко, а я здесь, – отозвался Бертар. – Скоро мой брат станет королем, и тогда весь мир будет называть тебя принцессой.

– Это... Это нехорошо, – тихо произнесла Вэлла. – Мы все желаем здоровья королю Гриенору, вашему батюшке.

– Все желают ему здоровья, но это не делает его моложе, – отозвался герцог. – Отец в преклонных годах, и ему сложно управлять Таримом. Эта история с неудавшейся войной подкосила его. Ты же знаешь, твой отец ведет все больше дел вместо короля. И братья твои тоже не остаются в стороне. Это долг королевской семьи – заботиться о королевстве. И ты, Вэлла, тоже будешь исполнять свой долг. Это плата за ту кровь, что течет в наших жилах, плата за то, чтобы быть выше прочих.

Девушка склонила голову. Ее и без того узкие губы превратились в строгую полосу, щеки налились румянцем, но она ничего не сказала. Герцог усмехнулся. Да, сейчас она похожа на Тарлина. Но тот уже высказал бы младшему братцу все, что думает о его нотациях.

– Оставим этот разговор, – примирительно проронил Бертар. – Ты принцесса, Вэлла, и я так буду называть тебя, когда никто не слышит. А сейчас Расскажи мне какую-нибудь историю из тех, что твердили тебе учителя королевского двора.

– Хорошо, – тихо отозвалась Вэлла. – Я Расскажу о герое Таларе Борфейме, что в одиночку сразился с войском горного короля и захватил трон гномов.

Герцог поудобнее устроился на сиденье, давая отдых уставшей спине. Вэлла уже начала рассказ, и плавный напев древнего сказания убаюкивал. Девушка сидела ровно, глядела в стену перед собой, но Бертар знал, что сейчас перед ее голубыми глазами разворачиваются волшебные картины древнего мира. Она всегда была мечтательницей. Больше интересовалась прошлым, чем настоящим. Но время пришло, и настоящее потребовало Вэлланор Борфейм к себе.

«Надо почаще называть ее принцессой, – подумал Бертар, закрывая глаза. – Пусть вызывает к мысли, что она уже не ребенок, а правительница. Будущая королева... В конце концов, до этого осталось совсем немного. Неделя-другая, и больше не будет ни племянницы Вэллы, ни принцессы Вэлланор. Останется лишь королева Сеговар».

Бертар вздохнул и задремал под напевный слог легенды об одиноком воине, что в древности в одиночку захватил одно из гномьих княжеств и тем положил начало королевству Тарим.

* * *

Огромное зеркало, скованное резной рамой из черного дерева, стояло так близко к королевскому ложу, что Геордор без труда видел свое отражение, даже не вставая с постели. Алый бархатный халат король бросил на белое покрывало, приподнялся и сел. Расправив плечи, затянутые шелковой ночной рубашкой, он разглядывал свое отражение, пытаясь найти изъяны.

Морщины разгладились. Седая борода, только что коротко подстриженная цирюльником, выглядела не данью возрасту, а украшением зрелого мужчины. Глаза блестят, словно сон и не подступал к монарху, а грудь все так же широка, как и раньше. Вот только живот предательски топорщит белый шелк на талии. Геордор повернул голову, и в зеркале отразился чеканный профиль, украшавший монеты Ривастана.

– Ну, как? – спросил Геордор. – Годен еще в женихи?

Человек, сидевший за письменным столом, примостившимся в углу королевской опочивальни, поднял голову и отложил в сторону лист бумаги.

– Превосходно выглядите, мой король, – сказал он, поднимаясь из кресла. – Благородный муж в расцвете лет.

– Лстец, – упрекнул король, но в голосе его слышались ласковые нотки. – Эрмин, посмотри мне в глаза и повтори это еще раз.

Де Грилл засмеялся и подошел ближе. Геордор повернулся, демонстрируя другу и советнику свой профиль.

– Девица будет сражена наповал, – посулил Эрмин, присаживаясь на край постели. – Давно я не видел тебя таким цветущим, Геор.

– Этот алхимик – настоящий кудесник, – отозвался король. – Я чувствую себя лет на двадцать моложе.

– И все же он советует не злоупотреблять зельями, – напомнил граф. – Помнится, в прошлый раз он советовал пить по одной склянке в день и больше пользоваться мазями.

– Пустяки, – отмахнулся Геордор. – Вэлланор Борфейм скоро будет здесь, и я должен встретить ее, как подобает королю и будущему супругу. Кстати, что там тебе нашептали твои птички? Где сейчас наши гости?

– Только что пересекли границу. Если дороги не развезет от осенних дождей, то через пару недель кортеж прибудет в столицу.

– Нет сил ждать, – признался король. – Эрмин, я с ума схожу от ожидания. Подумать только, полгода назад я сидел в холодной башне, угрюмый и печальный, видя перед собой только тьму. Мне казалось, что солнце мое закатилось и я вступаю в ночь. Как я был слеп! В мире еще столько радости и света... Пожалуй, это осознаешь, только ступив во тьму.

– Я бесконечно рад за тебя, Геор, – тихо произнес Эрмин. – Отрадно видеть, что ты больше не думаешь о смерти и тлене. Но...

– Надежда, – перебил его король, любуясь своим отражением. – Вот что дает силы, Эр. Я увидел свет. У меня еще есть шанс ярко вспыхнуть перед закатом. Пусть я уйду, но я оставляю стране часть себя. Род Сеговаров не окончится мной, и эта мысль греет меня больше, чем все вино Гернии. Ты понимаешь меня, Эр?

– Да, – отозвался граф. – Понимаю. Но радость не должна заслонять от тебя окружающий мир, Геор. Послушай меня, пожалуйста. Есть дела, которыми ты не должен пренебрегать...

– Дела, – буркнул король. – Проклятье. Конечно, всегда найдется что-то такое, от чего ночью пробьет холодный пот.

Геордор нахмурился и отвел взгляд от зеркала. Де Грилл молчал.

– Это важно? – спросил король.

– Да, – просто ответил Эрмин.

Геордор тяжело вздохнул и приподнялся, стаскивая рубаху. Потом кинул ее на зеркало и зарылся в пуховые перины.

– Излагай, – обреченно произнес он.

Граф демонстративно огляделся.

– Может, лучше потом, в башне? Подальше от чужих ушей?

– Эрмин, – застонал король. – Перестань. Ты сам знаешь, кто и когда здесь подслушивает. А в ту комнатку я больше не полезу. Забирай ее себе. Устрой там вертеп, если сможешь заткнуть туда шлюх по этой проклятой лестнице.

– Дело важное, – напомнил Эрмин. – Это...

– Заговор, – буркнул монарх. – Конечно. Всегда отыщется какой-нибудь заговор. Или два. А то и три. Проклятье, Эр, сколько мы их уже пережили? Десятка два, если не больше.

– Нет, – мягко отозвался граф. – На этот раз все не так просто.

– Не тани, Эр, я спать хочу.

– Помнишь Совет Лордов Ривастана?

– Эта куча болванов, что собирается раз в месяц, чтобы пожаловаться друг другу на меня и придумать очередной закон, который я отвергну?

– Они самые.

– Только не говори, что они что-то замышляют против меня. У них не хватит на это ни ума, ни храбрости.

– Не замышляют, – признал Де Грилл, – иначе бы я принял меры. Но они выражают недовольство. А после их собрания недовольство стал выражать и народ. Кто-то баламутит толпу, Геор. И я пока вижу волны, расходящиеся по воде, но не вижу камня, упавшего в пруд. До бури далеко, но тучи уже сгущаются.

– Выражайся яснее, Эрмин. Оставь сравнения поэтам.

– Все очень просто, Геор, – граф поднялся с постели и выпрямился. – Многим не нравится то, что ты собрался обзавестись наследником.

– Это понятно, – усмехнулся король. – Но я думал, что ты уже знаешь всех недовольных по именам.

– Знаю, но дальше разговоров дело пока не идет. Меня беспокоит другое – недовольство вышло за пределы дворцов. Недовольство выражает чернь, толпа.

– Толпе не нравится, что я обзаведусь наследником? – удивился Геордор. – Что за чушь.

– Им не нравится будущая королева из Тарима, с которым мы едва не вступили в войну.

Король сел на постели, откинул пуховую перину. Потер ладонями лицо, пытаясь отогнать подступающий сон.

– Значит, не все довольны предстоящей свадьбой? – буркнул он. – Да плевать. Толпа всегда чем-то недовольна, но каждый раз им приходится прикусить язык. Правитель я, а не они.

– На этот раз есть сложности, мой король, – граф вздохнул. – Толпу явно кто-то настраивает против принцессы. Возможно, тот, кому не по душе, что вы обзаведетесь наследником, и тот, кто стремится не допустить этого брака.

– Ты знаешь кто именно?

– Пока нет, – сухо отозвался граф. – Со стороны все выглядит очень естественно, как будто толпа выражает собственное мнение. Но за этим стоит кто-то из наших знатных друзей.

– Или родственников, – буркнул король. – Точно так же, как бывает всегда. Чего ты боишься, Эр? Все будет как в прошлые разы. Или что-то изменилось?

– Теперь все не так, – возразил граф. – Раньше мы думали только о тебе, Геор. У тебя не было семьи.

– Принцесса, – прошептал король.

Он сел, спустил ноги с кровати и схватил советника за руку.

– Эрмин, что происходит?

– Пока ничего страшного, мой король, – тихо отозвался граф. – Но я боюсь провокаций. Распаленная чернь может выкинуть такую штуку, после которой Тарим откажется от мысли связать кровными узами ваши семейства.

– Например, сожжет заживо двух представителей королевской семьи Борфеймов? – воскликнул король.

– Нет, не думаю, что до этого дойдет...

– А я думаю! Проклятье, Эр! Почему ты не рассказал мне об этом раньше!

Король вскочил с кровати и босиком пошлепал к письменному столу, на котором лежала груда пергаментов, оставленных Эрмином.

– Сколько людей едут с Бертаром? – бросил он на ходу.

– Два десятка конных – стражники и слуги. Два сменных кучера при экипаже, Вэлланор и сам герцог. Кorteж собирали в страшной спешке, в основном из-за того, что мы торопились успеть со свадьбой до зимы.

– Вид чужих воинов только больше распалит толпу, – бросил король, роясь в пергаментах. – Проклятье. Я-то думал, мой народ будет встречать будущую королеву цветами. Ну почему ты раньше не рассказал мне об этом!

– Пока ничего страшного не происходит, мой король, – осторожно отозвался Эрмин. – Возможно, я невольно преувеличил опасность, пытаясь предусмотреть все случайности. И, честно говоря...

– Да, я помню, – буркнул Геор, выуживая чистый лист из груды исписанных. – Ты что-то такое говорил раньше, но я не слушал. Вместе с молодостью ко мне вернулась и глупость. В голове только юбки и новые наряды. О чем я только думал раньше! Надо было сразу послать конвой. Как считаешь, сотни кавалерии хватит?

– Хватит, – согласился граф. – Но сотня конников будет довольно долго добираться до границы, не говоря уже о том, что следом придется отправить обоз с довольствием для них. Ни в одной таверне этот отряд не поместится. Кроме того, они взбаламутят всю округу, привлекут ненужное внимание к нашим опасениям.

– Два десятка? – задумчиво произнес король, вертя в руках перо. – Праздничная встреча? Цветы и ленты... Проклятье. Против толпы двух десятков может и не хватить.

– Толпу они только раззадорят. Как жаль, что с нами больше нет магов.

– Они сами виноваты! – отрезал король. – Они вздумали ставить мне условия, Эр! Они – мне! Теофис окончательно потерял чувство меры и взбаламутил всю свою магическую братию.

Только вот бунта магов мне и не хватало. Они посмели диктовать мне свою волю, Эр. Сдается мне, они слишком много думали о себе и своей власти. Поставили условие – либо я возвращаю им их проклятые бумаги, либо они уходят. Но я поклялся, что никакой черной магии в моем королевстве больше не будет!

– И они ушли, – вздохнул Эрмин.

– Вся проклятая коллегия магов, во главе с болваном Теофисом. Ну и пусть. Гернийский университет еще поймет, какую змею он пригрел на груди.

– Как объект для опытов, который они хотели исследовать, я очень рад их уходу, мой король, – отозвался Де Грилл. – А вот как королевский советник – в ужасе. Маги, поддерживающие Теофиса, ушли и из других городов, не только из столицы.

– Зато остался Дарион, – этот юнец, из которого вырастет настоящий маг не хуже Теофиса. Он, по крайней мере, предан мне.

– И уже собирает новую коллегия магов, – подхватил граф. – Но на это надо время. Собрать по городам и весям достойных магов очень непросто.

– Как думаешь, у него хватит сил быстро пробиться к принцессе и в случае нужды противостоять толпе?

– Хватит, – признал Де Грилл. – Но сейчас он в Венте, мой король. Вы сами отправили его туда, чтобы подобрать кандидатов в новую королевскую коллегия магов.

– Чтоб тебя! – зарычал король. – Постой! А где твой любимчик? Этот новоявленный граф?

– Сигмон? Он в столице. И в этот самый час выполняет мое задание.

– Найди его и отправь к принцессе, – приказал Геордор. – Плевать на все придворные дела, пусть займется настоящей работой. Пусть охраняет будущую королеву.

– Не самый лучший выбор, – вздохнул Де Грилл. – Ла Тойя не дипломат, а боец. Если что-то пойдет не так, то ему будет проще вырезать целый город, чем успокоить его жителей.

– Вырезать целый город? – переспросил король. – А при этом он сможет защитить принцессу?

– Сможет, – со вздохом признал советник. – Защищать он умеет.

– Ну, так пускай немедленно отправляется в путь. Мне как раз и нужен боец, а не дипломат. Пусть вырежет хоть все Восточное герцогство, но только чтобы доставил мне будущую жену целой и невредимой.

– Да, сир.

– И не строй такие страшные рожи, Эрмин. В моем возрасте проще обрести новое герцогство, чем новую невесту.

– Да, сир.

– Ладно, ладно, скажи ему, чтобы вел себя осторожнее. И повежливей с Борфеймами. Будущие мои родственники как-никак. Надеюсь, они не обидятся, что я послал им навстречу лишь одного графа. Пусть Ла Тойя скачет день и ночь, меняет лошадей на королевской почте, но чтобы не смел ложиться в постель, пока не отыщет Вэлланор.

– Хорошо, мой король. Я отправлю Сигмона, – сказал Де Грилл. – Надеюсь, обойдется без кровопролития. В конце концов, мои подозрения – это всего лишь подозрения.

Король бросил перо на стол и вернулся к ложу. Забравшись на постель, он укрылся периной и повернул голову к советнику.

– Эрмин, – позвал он, и граф, ожидавший приказа, шагнул к постели.

– Да, сир?

– Я сказал – немедленно, Эрмин.

– Уже лечу, – мрачно отозвался советник. – Утром он будет в пути.

– Не утром, а к полуночи, – возразил король. – Пусть хоть на этот раз все будет сделано быстро и без задержек. Ступай, Эр.

– Спокойной ночи, мой король.

– Не могу пожелать тебе того же, – отозвался Геордор. – Но чем раньше ты разберешься с этим делом, тем раньше ляжешь спать. Увидимся утром, Эр.

Де Грилл поклонился и быстрым шагом вышел из опочивальни короля. Геордор проводил его тяжелым взглядом, потом вздохнул и перевернулся на другой бок. Он должен поспать. Он должен выспаться, чтобы пропали эти проклятые синяки под глазами. Алхимик сказал, что с ними не справится даже волшебная мазь, если король не будет вовремя ложиться спать.

– Спать, – приказал король самому себе. – Немедленно спать.

Он запустил руку под подушку и нащупал крохотный самострел, заряженный отравленными иглами. Его холодная рукоять, дарующая ощущение безопасности, действовала на монарха лучше снотворных зелий.

– Спать, – прошептал Геордор и закрыл глаза.

* * *

Мрамор колонны приятно охлаждал спину. Здесь, у лестницы, в самом темном уголке танцевальной залы, было на редкость уютно. Отсюда Сигмону был виден весь зал, а сам он оставался невидимым для всех пришедших на прием к графине Эветте Брок.

Сигмон плотнее прижался к колонне, переложил бокал с белым гернийским в левую руку и сделал большой глоток. Покатал на языке восхитительную влагу, вспыхивающую всеми оттенками, от приторно сладкого до кисло-горького. Сделал еще один глоток. И снова обвел взглядом огромный зал.

Сияющий паркет, масляные лампы на стенах, крохотные столики у стен, застеленные белоснежными накрахмаленными скатертями. Над залом нависает балкон, на котором устроились музыканты – пятеро разряженных в пух и прах модников, наполняющих зал пронзительными завываниями скрипок, плачем лютни и стонами малого клавесина. Мелодия лилась свободно, менялась на ходу, и пары танцевали на паркете непрерывно. Иногда пара уходила с паркета, чтобы подкрепить силы глотком вина, но ее место тотчас занимала другая – людей в зале было много. На приемах Эветты всегда людно – заядлая модница с острым язычком была едва ли не первым лицом в светской жизни столицы. Она знала все о самых тайных интрижках, принимала участие едва ли не в десятке собственных и могла с легкостью рассуждать о фасонах бальных платьев, что станут популярными через полгода. На ее приемы старалась попасть знать столицы – от мелких безымянных танов до герцогских сынков. Эветта овдовела пять лет назад – престарелый граф Брок, смотритель королевских залов, был старше жены на добрых четыре десятка лет и, по слухам, умер совершенно счастливым в супружеской постели. Эветта, чей возраст едва подходил к тридцати, грустила не очень долго. Она умело распорядилась капиталом мужа, вложив деньги в выгодные предприятия по разработке золотых рудников в Северных горах, и теперь наслаждалась вольной жизнью.

Особняк Броков, расположенный на берегу реки и вместе с тем в паре шагов от королевского замка, стал местом встреч для всех столичных любителей веселья. Эветта прожигала жизнь, водя за нос десяток богатых женихов и, похоже, не собираясь вступать в новый брак. Веселая Вдова – так прозвали ее горожане, которые, впрочем, не питали к ней дурных чувств. Эветта запросто общалась с простолюдинами, шокируя старшее поколение, и не строила из себя особу королевской крови – и тем опять же радовала городских интриганов, не терпящих конкуренции в вопросах власти.

У Эветты всегда было удобно и весело. Ее приемы были популярны, а сама вдова – счастлива. Несчастлив был Сигмон, которому по службе приходилось посещать приемы Эветты. Светским человеком его нельзя было назвать: медленные танцы и пустые разговоры навевали на графа жесточайшую тоску. Он предпочитал ночное патрулирование города – частенько по

крышам, откуда рукой подать до чистого черного неба, усыпанного жемчугом звезд. Но титул... Де Грилл буквально всунул ему в руки патент и тут же стал вольно пользоваться своим новым инструментом – графом Сигмоном Ла Тойя, посылая его туда, куда обычным шпикам вход заказан.

Нового графа общество встретило равнодушно – для всех он оставался провинциальным болваном, мелким таном, явившимся в столицу, чтобы выкупить титул и место при дворе. Официально он числился посыльным короля – вестником, почтарем, одним из сотни, которой могли доверить доставку королевского письма на дальний кордон. Королевский гонец – недурное место для бывшего курьера второго пехотного полка города Вента. Но все же слишком низкое в глазах общества, собиравшегося у Эветты Брок. Неразговорчивость новичка и его сумрачный вид тоже сыграли свою роль, и вскоре к Сигмону стали относиться как к предмету мебели, что находится в зале, но не участвует в общем веселье. Графа перестали замечать – и это привело Де Грилла в восторг. Он потребовал от Сигмона завязать полезные связи в обществе, но при том так ловко, чтобы дело провалилось. Сигмону нужно было изображать неудачника, так и не прижившегося при дворе, но не оставляющего попыток найти покровителя.

Сигмон, не обладавший актерским даром, вяло пытался соответствовать требованиям начальства, не особо усердствуя при этом. Роль высокопоставленного шпики бесила его до невозможности. Он предпочитал решать проблемы клинком, а не бесконечными отчетами об услышанном и увиденном. Утешало лишь то, что и клинком ему доводилось работать довольно часто. На прошлой неделе Сигмон в одиночку разгромил бандитский притон, расположенный в самом сердце столицы, в центральном квартале. Преступники, свившие гнездо не так уж далеко от дворцовых стен, определенно зарвались и напрашивались на крупные неприятности. Но устраивать небольшую войну в центре столицы не решился даже командор стражи, и потому советник Де Грилл, находящийся, разумеется, в курсе всех дел столицы, милостиво «одолжил» своего человека командору.

Разумеется, стражники не знали о том, кто он таков, – лицо Сигмона скрывала маска. Ничего не знал о нем и сам командор – для всех граф оставался безымянным подручным советника короля. Он вытащил из подвала таверны пяток матерых разбойников, устроивших сходку, на которой они договаривались поделить город, и передал их страже. Еще два десятка лихих людишек, защищавших своих главарей, Ла Тойя разметал, как гнилую солому, сделав в одиночку то, что не решалась сделать городская стража. Это было доброе дело, приятно отличающееся от бесконечных бдений на приемах Эветты, и Сигмон немного развеялся. Но сейчас ему приходилось вновь торчать в людной зале, изображая унылый памятник провинциальному неудачнику, и внимательно следить за двумя молодыми дураками.

Сигмон опустил бокал и окинул взглядом танцевальный зал. На паркете кружились редкие пары. У стен собирались компании ожидавших нового танца: стайки девиц в роскошных платьях, охраняемые суровыми матронами, и компании молодых людей, лихо закручивающих едва отросшие усы. Иногда один из них набирался смелости и атаковал какую-нибудь из матрон. И либо удалялся, получив решительный отпор, либо получал неохотное разрешение пригласить избранную даму на танец. Вдоль другой стены собралась пестрая компания из родителей и родичей юной поросли. Разбившись на крохотные компании, они следили за молодежью. Дамы сплетничали, прикрывшись веерами, мужчины шептались о делах, не выпуская из рук бокалов. В дальнем углу, за накрытыми столами, собрались гости почтенного возраста, интересовавшиеся больше красным гернийским вином из погребов графини Брок, чем танцами.

Сигмон обернулся и поставил свой бокал прямо на ступеньки лестницы, ведущей на второй этаж. Выбравшись из тени, он быстро прошелся вдоль стены, рассматривая группки молодых людей, подшучивающих друг над другом. Граф сосредоточился, пытаясь высмотреть знакомые лица. Перед глазами мелькали яркие камзолы, расшитые золотыми нитями, белые брыжи – веянье южной моды, добравшейся наконец и до севера. Кольчуг в столице не носили,

шумные пиры, во время которых старые воины не снимали доспехов, остались в прошлом. Сменилось даже оружие – теперь вместо боевых сабель и клинков, способных пробить доспех, знать выбирала оружие, что можно было носить с собой целый день без помощи оруженосцев. Клинки изрядно похудели и стали легче, больше напоминая удлиненные кинжалы, чем армейские мечи. Таким ловчее орудовать в темных переулках, особенно когда ни на тебе, ни на противнике нет кольчуги. Простой люд мгновенно прозвал новинку военной моды «вертелами», и городские куплетисты на все лады высмеивали модников, сравнивая их с поварами. Впрочем, и с этими игрушками некоторые «повара» умудрялись заварить такую кашу, что и армейским сапогом не расхлебаешь.

Щелкнув с досады пальцами, Сигмон устремился к выходу. Он все-таки упустил юных забияк. Только что были здесь, в разных компаниях – шутили с приятелями, обменивались колкостями с матронами и воздушными поцелуями с отнюдь не робкими девами... Исчезли оба, в одно время. Де Грилл, как всегда, оказался прав. И если сейчас некий раззява-граф не поторопится, дело может кончиться бедой.

Сигмон выскочил из дверей танцевальной залы и побежал сквозь анфиладу комнат. Миновав холл, он сбежал по ступенькам к выходу из особняка, прыгнул с крыльца на траву и углубился в темноту сада, игнорируя светлые дорожки, выложенные из крохотных керамических плиток.

Пробравшись сквозь заросли причудливо подстриженных кустов и роскошные клумбы, граф свернул к берегу реки, туда, где росли вековые ели, оставшиеся от леса, когда-то раскинувшегося на месте имения Брокков. Петляя среди высоких деревьев, Сигмон поднял голову и вдохнул холодный ночной воздух, пахнувший смолой. Зверь, выглянувший на миг из темного уголка Сигмона Ла Тойя, не подвел. Пахло разгоряченными телами, пахло гневом и яростью. Пахло близкой смертью.

Сигмон перепрыгнул через канаву, невесть как очутившуюся в лесу, и заскользил на каблуках вниз по склону, усеянному опавшей хвоей, – к реке. Среди стволов заблестел Рив, медленно кативший свои воды сквозь столицу. Ла Тойя знал это место – берег здесь круто обрывался вниз, и поляна походила на тот самый балкончик в особняке, что облюбовали музыканты. Туда он и направился.

Они стояли друг напротив друга – два молодых модника, затянутые в шелка и бархат. Оба держали ладони на рукояти клинков, богато украшенных вязью золотой проволоки. Два юных дуэлянта, заложники без малого вековой вражды семей, что когда-то не поделили милость давно почившего монарха. Судя по раскрасневшимся лицам и горящим взглядам, они успели обменяться колкостями, и тонкие клинки должны были вот-вот покинуть ножны.

Сигмон с нарочитым шумом пробрался сквозь кусты и появился на поляне. Юнцы одновременно обернулись, судорожно хватаясь за рукояти клинков.

– Добрый вечер, – холодно произнес Сигмон, небрежным кивком приветствуя дуэлянтов. – Господин Верони, господин Летто.

– Граф Ла Тойя, – протянул Фарел, высокий и худощавый юноша с длинными светлыми волосами и бледным, как свет луны, лицом. Единственный сын графа Верони был завзятым модником и в свои шестнадцать лет уже прославился как опытный сердцеед. Но Сигмон знал, рука у парня скорая, и орудовать своим «вертелом» он умеет не хуже иного опытного рубака.

– Вы не вовремя, граф, – бросил широкоплечий Лавен, младший из отпрысков лорда Летто, одного из самых богатых людей королевства. Этого Сигмон тоже хорошо знал – умом не блещет, но силен, как бык, и славен больше потасовками в тавернах, чем успехом в торговых делах семьи.

– Чудесная ночь, не правда ли? – отозвался Сигмон, копируя унылую манеру Де Грилла говорить о пустяках. – Но здесь так прохладно! Не думаете ли, господа, вернуться в зал?

– Это вам пора вернуться, граф, – сухо произнес Фарел. – Возвращайтесь к танцам.

– И перестаньте совать нос в чужие дела, – поддержал своего противника Лавен.

Сигмон нахмурился – разгоряченный Летто своей грубостью дал ему повод обнажить клинок. Как заманчиво... Достать меч, одним ударом смести в сторону новомодные зубочистки юнцов и надавать им тумачков. Отхлестать плоскостью клинка по мягким местам, чтоб неповадно было задирать старших. Но Де Грилл... Советник страшно расстроится – ведь подобная экзекуция не решит проблему. Эрмин поручил ему следить за мальчишками и не допустить смертоубийства, которое может вызвать вспышку кровавой мести прямо накануне королевской свадьбы. Тумаками тут делу не поможешь.

– Я был о вас лучшего мнения, Фарел, – сухо произнес Сигмон. – Подумайте, в какое положение вы ставите хозяйку дома. Если что-то случится во время приема, это, конечно, скажется на репутации Эветты. Едва ли после этого она будет вам благоволить.

Светловолосый Верони поджал узкие губы и что-то тихо буркнул себе под нос.

– А вы, Лавен, – повысил голос граф, – зачем вы явились сюда тайком, под покровом ночи, как наемный убийца?

– Я не убийца! – рявкнул Летто. – Это дело чести!

– Чести? – ухмыльнулся Сигмон. – О ней вы расскажете королевским дознавателям, если неподалеку найдут покойника с дырой в груди от вашего клинка. Тайное убийство, вот что скажут вам в ответ дознаватели.

Лавен выругался, грубо, как рыночный торгаш, и выхватил свой узкий клинок. Лунный свет скользнул по лезвию, обращая сталь в живую молнию.

– Убирайтесь, – приказал Летто. – Это не ваше дело, и не лезьте в него, проклятый шпик! А не то...

– Не то – что? – переспросил Сигмон, борясь с желанием отобрать у юнца дорогую игрушку и забросить ее в реку. Вместе с владельцем.

– Не то ваша прогулка может закончиться, так и не начавшись, – процедил Верони и тоже обнажил клинок.

Сигмон смотрел на двух пареньков, стоявших напротив и грозивших ему клинками, годными протыкать лишь атлас и бархат. Ему не нужно было обнажать свой меч, забравший души сотни упырей. Он справился бы с ними играючи, одной правой рукой, с которой он никогда не снимал перчатку. Двое забияк с игрушками, дети, не видевшие в жизни ничего страшнее похорон престарелого дядюшки. Это было бы смешно, если бы это не было так грустно.

– Ну что вы, господа, – выдавил Сигмон, чувствуя, как пылают от гнева щеки. – Зачем же сразу так...

– Ну, – Летто топнул ногой и вскинул клинок.

Ла Тойя торопливо отступил назад, чуть подогнул ногу, вскрикнул и повалился на спину, размахивая руками.

Здоровяк Лавен удивленно вытаращил глаза, расхохотался и опустил клинок. Верони криво улыбнулся, потом прыснул в кулак, совсем как ребенок, и тоже засмеялся.

Сигмон лежал на спине и испуганно таращился на дуэлянтов. А те смеялись хором – заливисто и громко, как умеют смеяться только те, кто еще помнит детство.

– Умора, – выдавил Лавен, – а сам-то...

– Грубиян повержен, – объявил Верони, возвращая клинок в ножны. – Пойдемте отсюда, господин Летто, здесь слишком сильно пахнет деревней. Вечер испорчен, так попробуем наверстать упущенное в танцевальном зале.

– И то, – согласился Лавен. – Чего уж теперь. А в следующий раз для нашего разговора подберем более подходящую компанию.

– Вы правы, – согласился Фарел. – Двух или трех добрых друзей, перед которыми не стыдно обнажить клинки.

– О да! Это вы точно сказали, Верони, – добрых друзей.

– Так идемте прочь, оставим этого хама наедине с самим собой. Нас ждет прекрасная Эветта!

Раскинув руки, Сигмон лежал на спине, смотрел в звездное небо и слушал, как удаляются голоса несостоявшихся дуэлянтов. Зверь внутри его, уже усмиранный и закованный в цепи рассудка, вяло ворочался, тихо жалуясь на то, что нынче ему не дали воли. Он подсказывал, что в уходящих больше не было гнева и злости – все потрачено на случайного свидетеля стычки. Сегодня Верони и Летто уже не схлестнутся – это Сигмон знал точно. И гордился собой: он удержал кровожадного зверя на цепи, выполнил просьбу Эрмина, сохранил свой образ неотесанного деревенского увальня. И сделал это просто – всего лишь упав на спину.

– Попрошу выплатить мне ставку королевского шута, – мрачно произнес он вслух. – Двойную. И вперед за полгода.

Застонав, он приподнялся и сел. Вытирая холодный пот со лба, Сигмон заметил, что руки дрожат. Как тяжело было сдержаться. Немыслимо тяжело притворяться шутом тому, кто заслужил прозвище Мясник Дарелена.

Крохотный комочек из перьев упал с ночного неба прямо на плечо Сигмону. Возмущенно зачирикал, запрыгал по плечу и от полноты чувств расплескал свое негодование по рукаву черного бархатного камзола.

– Двойную плату за полгода вперед и визит к королевскому портному, – сухо сообщил Сигмон воробью.

Потом он вскочил на ноги, быстро и легко, как разбуженная кошка, и бесшумно растворился в темноте сада – Эрмин Де Грилл желал видеть своего подчиненного. Немедленно.

* * *

Из распахнутого настежь окна тянуло холодом и сыростью. Осенняя ночь пыталась забраться в комнату, но жарко пылающий камин успешно теснил ее прочь, оставляя на поле битвы лишь легкую прохладу.

Корд Демистон откинулся на спинку стула, заложил руки за голову и потянулся, разминая затекшие плечи. Огромный письменный стол стоял рядом с камином, и капитану городской стражи Рива было тепло и уютно. От тепла клонило в сон, и потому Корд не закрывал окна – ночная прохлада освежала, не позволяла впасть в блаженную дрему.

Выпрямившись на скрипучем стуле, капитан потер ладонями лицо и с ненавистью глянул на грудку бумаг на столе. Предписания, указания, распоряжения, доклады, доносы, счета от кузнецов... Как хорошо было в Ташаме! Савен вызывал капитана, устраивал ему разнос, а после простым человеческим языком объяснял, что требуется от стражи. И ночная смена обычно заключалась в том, что Корд гулял по ночному городу, проверяя караулы и наслаждаясь свежим ночным воздухом. А не перекладывал бумажки с места на место в душной комнате.

Демистон поднялся и вышел из-за стола. Огромная комната, которую величали кабинетом, вовсе не была пустой. Около двери стояли два письменных стола адъютантов, за ними, у камина, расположился стол капитана. Вдоль стен тянулись бесконечные ряды шкафов со стеклянными дверцами, битком набитые старыми приказами, описаниями преступников и громких дел, картами центрального района, счетами из казначейства и прочей бумажной рухлядью, за которую раньше Корд не дал бы и ломаного гроша. А еще – высились платяные шкафы, дубовые ящики, больше напоминавшие хранилища гномьего банка. В них прятались праздничные мундиры офицеров отделения, парадное оружие, флаги и форменные перевязи рядового состава. Адъютанты должны были содержать все это в идеальном порядке, и когда они устраивали день большой уборки, капитан в отчаянье убегал в город проверять патрули.

Гулко бухая сапогами по начищенным до блеска половицам, Корд вышел на середину комнаты. На полу лежала новая ковровая дорожка мутного зеленого цвета, навевавшего воспо-

минания о зацветшем пруде. Она вела от двери к противоположной стене, прямо к окну, пересекая всю огромную комнату, занимавшую почти весь второй этаж дозорной башни. Капитан осторожно попробовал ногой дорожку – словно боялся, что она окажется живой. Дежурка с коврами, кто бы мог подумать. Потом он решительно ступил на нее и подошел к окну – теперь бесшумно, не царапая подковами сапог начищенный пол.

Взявшись обеими руками за подоконник, капитан по пояс высунулся из окна, подставив лицо холодному ночному ветру. Перед ним раскинулся город – огромный каменный лабиринт из домов, лавок, таверн, конюшен... Город был наполнен огнями. Где-то светились окна, горели факелы у входа в ночные таверны, недалеко пылал огнями королевский замок, что на новый лад все называли дворцом. На площади, раскинувшейся вокруг Башни Стражи, горели масляные фонари. Капитан опустил взгляд, рассматривая брусчатку внизу. Когда-то давно здесь стояла городская стена – первая из тех, что возвели вокруг замка, построенного Сеговарами. Но город рос и вскоре выплеснулся за стену. Вокруг замка теперь раскинулся старый город – Королевский квартал, где жила знать и самые искусные ремесленники. А стена отделяла его от быстро растущей столицы. Но вскоре места стало не хватать – его всегда не хватает, – и стену снесли. А башня осталась, превратившись из грозного военного сооружения в один из постов городской стражи. Она торчала посреди пустой площади, словно угрожающая дубина, напоминая нерадивым горожанам, что ее маленькая копия однажды может пройти по их плечам и головам. В целях поддержания порядка и закона.

– Да, – тихо произнес Корд, – это не Ташам.

Здесь у него не было нужды проверять караулы. У него в подчинении сотня людей, следящих за порядком в центральной части старого города. Караулы проверяют два полусотенных, зовущихся тут на новый лад лейтенантами. А у них еще есть по два десятника, именующихся сержантами. А у тех – еще по личному вестовому-капралу. Порой Демистону казалось, что в страже Рива больше начальства, чем подчиненных, и это его несказанно удручало. Он уже не мог контролировать всех, не мог лично следить за исполнением приказов и вникать в каждое распоряжение. С другой стороны, всегда есть на кого свалить бумажную работу – например, на личного адъютанта, что в данную минуту дремлет на первом этаже, среди личного состава ночной смены. А есть еще Горан – второй капитан, с которым Корд делит этот кабинет. Он всегда дежурит днем – так они договорились – и больше занимается тем, что разбирается с подозрительными личностями, злоумышляющими против короля. Работу два капитана делают вместе, но Корд терпеть не мог подобные дела, ему проще общаться с душегубами и конокрадами, чем с языкатыми пустомелями, отпустившими слишком смелую шуточку в неудачной компании. Впрочем, и с душегубами капитан нынче общался редко – для этого есть лейтенанты. А до капитана Корда Демистона дело доходит, только если в нем замешана знать. Но такое случается редко, обычно эти напыщенные болваны предпочитают решать дела тихо, промеж собой, не вмешивая стражу.

Демистон оттолкнулся от подоконника, развернулся и подошел к столу. Одернув тяжелую кожаную куртку, накинутаю поверх темно-синего форменного камзола стражи, он вновь сел за стол. Вытащил из груды бумаг счет за прачечную и глубоко задумался над ним, пытаясь вспомнить, сколько форменных рубашек и бриджей отправляли в стирку на прошлой неделе и почему их количество не совпадает. Неужели кто-то из прачек позарился на штаны стражника? Быть того не может...

С великим раздражением капитан швырнул бумагу обратно на стол и покосился на огромные гномьи часы, стоявшие на камине. Те тихо щелкали, отсчитывая время до конца дежурства. Уже утро. Скоро начнет светать. А Корд не разобрался и с половиной дел, наметенных на сегодня. И глаза отчаянно слипаются, днем опять не удастся выспаться, потому что надо хотя бы в этот раз прибраться в доме, заросшем всяким хламом.

За стеной гулко забухали сапоги, и Демистон вскинулся, пытаясь разлепить заспанные глаза. Кто-то поднимался по лестнице. Капитан встал, привычным движением передвинув саблю на пояс поближе к руке. От этой привычки его не смогла отучить даже спокойная жизнь в столичной страже.

Тяжелая дубовая дверь распахнулась, и на пороге появился запыхавшийся паренек лет шестнадцати в легкой синей куртке вестового стражи. Корд убрал ладонь с рукояти сабли – лицо паренька было знакомым. Павер? Правес? Кажется, он придан караулу площади, что дежурит недалеко от стен королевского замка.

– Капитан, – выдохнул парень, хватаясь за косяк. – Лейтенант Зимер велел передать... Велел...

– Да тише ты, – буркнул Корд. – Отдышись сначала.

Парень с облечением прижался спиной к косяку, расслабился и сделал пару глубоких вдохов. Потом выпрямился, сложил руки по швам – как его учили сержанты, сопровождая, несомненно, свою науку оплеухами.

– Капитан Демистон, – звонко произнес вестовой. – Лейтенант Зимер докладывает о происшествии! В особняке Броков после званного приема найден труп, опознанный гостями как Лавен Летто, сын лорда Летто. Лейтенант Зимер сообщает, что обстоятельства дела позволяют предположить, что смерть была насильственной, свидетелей нет.

– Лавен? – Корд от неожиданности выпрямился, нашаривая саблю. – А кто-то из Верони там был поблизости?

– Не могу знать! – бодро отрапортовал вестовой.

Корд нахмурился. Конечно, откуда пацану знать – он всего лишь повторил то, что ему велели. Проклятье! Один из Летто мертв, и наверняка младший Верони околачивался на том же приеме. А ведь Де Грилл предупреждал, что за этой парочкой нужно присматривать особо. Де Грилл... ох, и расстроится наш славный Птах. А ведь придется ему докладывать. И чем скорее, тем лучше – промедление в делах советник считает одним из страшнейших грехов.

Капитан поправил пояс, снял с вешалки у камина тяжелый кожаный плащ, что уже успел высохнуть, накинул на плечи. Обернулся к двери и наткнулся на вестового, преданно поедающего глазами начальство.

– Ты что тут? – буркнул капитан. – Свободен. Марш в караулку отогреться!

– Есть! – отозвался паренек с затаенным предвкушением утреннего сна.

Выслушав дробный топот его сапог по ступенькам, капитан обернулся и оглядел кабинет. Нет. Ничего не будет он здесь трогать. Дело срочное. Надо идти.

Демистон вышел на площадку и аккуратно запер дверь кабинета. Спрятал ключ в карман камзола – у второго капитана есть свой собственный – и начал медленно спускаться по узкой деревянной лестнице, ведущей на первый этаж башни. Ночь для него только начиналась. И она обещала быть долгой.

* * *

Серая лента Королевского тракта уходила вдаль. Прямая как стрела, она указывала на дальние восточные леса, раскинувшиеся на горизонте. Небо над ними уже светлело, плавя темноту ночи в бурные утренние сумерки. Скоро рассвет. Мрачный, дождливый рассвет поздней осени, который лучше встречать дома, у пылающего всю ночь камина, за кружкой хорошего горячего чая. Но Сигмон встречал его в седле, промокший и замерзший, отчаянно надевшийся, что взошедшее солнце хоть немного разгонит тьму и сырость. Он мчался в рассвет – к восточным границам Ривастана, туда, где равнины примыкают к Северным горам и плавно переходят в Тарим. Хорошо бы взять южнее – туда, где нет гор, а есть только равнины, затянутые вековыми лесами. Но ему нужно на север – там, через перевалы, кратчайшая дорога в

Тарим, ведущая напрямую к столице горного королевства. К счастью, ему не нужно в Тарим. Кorteж уже на землях Ривастана, и потому следует спешить – гнать что есть сил, не жалея ни себя, ни черного как смоль коня.

Его Сигмон выбрал сам. В королевские конюшни он даже не стал заглядывать, хотя получил разрешение взять любого, даже любимца Геордора – серого Великана. У короля были чудесные породистые скакуны, за большинство из которых многие ценители не пожалели бы правой руки. Но Ла Тойя к ценителям не относился. Ему была нужна не порода, а выносливость. Поэтому он сразу отправился к королевским гонцам, к вестовым, что разносили королевские указы по городам и весям. Когда-то он не смел и мечтать об этой работе – когда был простым курьером пехотного полка из Вента. Но теперь он сам мог отдавать им приказания. Обошлись без бумаг – от Де Грилла граф получил королевский медальон – золотую бляху на цепи, изукрашенную сапфирами с выгравированной подписью Сеговаров. Знак личного доверенного Сеговара, позволявший обладателю получать в собственность все, что ему потребуется в дороге.

На конюшне гонцов его встретили неласково, но Сигмон не обратил на это внимания. Быстро, но без лишней суеты он выбрал черного скакуна – сомнительных кровей, но выносливого и весьма злобного на вид. Подружились они сразу – Сигмону достаточно было заглянуть ему в глаза и чуть ослабить поводок зверя, таившегося внутри. Конь прижал уши, сделавшись похожим на кота, и стал тише воды. Сигмон сам оседлал его, не доверяя даже королевским конюхам, и без долгих разговоров отправился в путь.

Конь оказался выносливым, но Сигмону было его немного жаль, и он не заставлял скакуна выкладываться полностью. Секрет скорости курьеров не в том, чтобы бежать изо всех сил, а в том, что бежать надо расчетливо, двигаясь с постоянной скоростью, не рискуя упасть без сил где-нибудь на середине пути. Граф не собирался загонять скакуна, но до ближайшего большого города, где есть отделение королевской почты со своей конюшней, было довольно далеко. Сигмон рассчитывал добраться до Тира к середине дня и уже там сменить вороного на нового скакуна. Оставалось надеяться, что вороной на деле окажется таким же крепким и выносливым, каким выглядел со стороны. Выбор скакуна – важное дело, но сейчас Сигмона больше заботило иное – разговор с Де Гриллом, состоявшийся так неожиданно.

Ла Тойя давно работал на советника, но никогда еще не видел его таким озабоченным и измученным. Птах – как называли Де Грилла за глаза – словно постарел лет на десять. Его грызла какая-то забота, о которой он, конечно, не собирался рассказывать всем встречным. Но графу Ла Тойя он сказал достаточно.

Услышав, что ему предстоит встретить будущую супругу короля, Сигмон удивился. Разумеется, он знал о грядущей свадьбе. Знал и о том, что принцесса Северных гор уже в пути и скоро прибудет в Ривастан. Но он никак не предполагал, что невеста короля Ривастана едет узкими горными дорогами всего с несколькими сопровождающими. Сигмону казалось, что это должен быть настоящий corteж – десяток карет, сотня охраны, слуги, портные, повара, няньки... Де Грилл быстро развеял иллюзии графа. После неудачной попытки поддержать войну против Ривастана Тарим был сильно обеспокоен отношениями с большим соседом. Геордор же, как всякий разумный король, не собирался упускать выгодное положение. Тариму пришлось откупаться – и поставками руды и леса, и выгодными торговыми предложениями... Венцом всех договоренностей являлась невеста для монарха Ривастана. Геордор изъявил желание вступить в брак с особой северной королевской крови, и Тарим ухватился за это предложение, как за протянутую утопающему руку. Связать кровными узами два королевства – дело на редкость выгодное, особенно если смотреть чуть дальше завтрашнего дня. Правители горного королевства не собирались упускать такой удобный случай. Они быстро подобрали юную девицу – дочь сына короля, который сам со дня на день должен был взойти на трон вместо престарелого отца. Старика Гриенора уже никто всерьез не воспринимал – никто не знал, с

какого перепуга ему стукнуло поучаствовать в войне, но после ее провала в Тариме стали поговаривать, что, может быть, и не стоит дожидаться смерти нынешнего монарха. Тот, по-видимому, сильно устал, и пора бы сыну взять на себя тяжелую ношу монаршего бремени. Сына уже открыто величали Ваше Величество, а его отпрысков – принцами и принцессами. Вот одну из его дочерей, Вэлланор, и сосватали Геордору. Восемнадцать лет, не красавица, но весьма мила для девы суровых Северных гор, тихая, послушная, не склонная к романтическим приключениям. Говорят, она всегда была для отца разменной монетой, этакой запасной драгоценностью, которую можно выгодно выдать замуж за нужного человека. Вот и дождались – более удачной партии и не сыскать, – и «драгоценность» пошла в ход. Старшие сестры, дразнившие тихую Вэлланор, что к восемнадцати годам еще не обзавелась мужем, теперь кусали локти, представляя, как на макушку тихой Вэллы опускается королевская корона.

Ни Сигмон, ни Птах не питали иллюзий – девчонкой просто откупились. Ее продали, как продают породистого жеребца. Но Геордор, насмотревшись портретов и наслушавшись хвалебных речей посла Тарима, похоже, вспылал к юнице настоящей страстью.

– Это все проклятые зелья твоего дружка, – пожаловался Де Грилл Сигмону. – Геор ведет себя как подросток. Он словно в детство впал – куда только подевалась его знаменитая рассудительность! Похоже, он принимает слишком много этих проклятых эльфийских порошков, а я не могу за ним уследить. Столько дел навалилось...

Сигмон сочувственно кивал. Следить за тем, чтобы монарх выполнял предписания врача, – та еще каторга. На него не прикрикнешь, не дашь по рукам, чтобы не тянулся к сладкому, как неразумное дитя. А ведь ему хочется всего и сразу. В том числе и северную принцессу.

Свадьбу решили сыграть быстро – Геордор пылал страстью и нетерпением, Тарим опасался, чтобы советники Геордора не отговорили его от опрометчивой женитьбы, и потому тоже спешил... Так и появился крохотный кортеж, пробирающийся сквозь перевалы Северных гор по самой краткой дороге, связывающей два королевства. Нужно было успеть до осени, пока перевалы не завалило снегом – зима в горах наступает раньше, чем на равнине. А если бы не успели – прощай свадьба до весны, а там уж как дело повернется. Может, остынет Геордор, может, изменятся планы Тарима, а может, еще что случится... В итоге северная принцесса очутилась в горном городке Каре, на самом краю Ривастана. С дядей, братом будущего короля, который должен представлять на свадьбе семью, и десятком сопровождающих.

– Конечно, в Каре есть небольшой гарнизон, и я уже приказал выделить для сопровождения принцессы десяток офицеров, – сетовал Де Грилл. – Но ты представь, какие там, в этих дебрях, офицеры. Да и гарнизон нельзя ослаблять.

– Пусть не торопятся и едут медленно, – посоветовал Сигмон. – А отсюда навстречу выслать торжественную встречу.

– Нужно сделать все быстро. Очень быстро, – возразил советник. – Принцесса должна как можно быстрее проехать через полстраны. Задерживаться, дожидаясь торжественной встречи, – нельзя.

– Офицеры, полагаю, не для торжеств? – сухо осведомился Сигмон.

Он прекрасно видел, что Де Грилл не хочет раскрывать всех карт. Но давно уже понял, что дело вовсе не в торжественной встрече – уж он-то, граф Сигмон Ла Тойя, Мяслик Дарелена, был последним, о ком вспомнят при подготовке к торжествам. Его зовут совсем для других дел.

Де Грилл шумно вздохнул и взглянул на собеседника, пронзая того взглядом круглых, птичьих глаз с вертикальными зрачками. Сигмон вздрогнул, ощутив, как по спине пробежал холодок. Шутки кончились.

– Ты нужен ей, Сигги, – четко произнес советник. – Твоя задача – как можно быстрее добраться до девицы и как можно скорее привезти ее в столицу. Обеспечить безопасность. Охранять, как самого короля. Действовать по обстоятельствам. Никаких ограничений. Если

что-то случится, можешь просто усадить ее к себе в седло и привезти в Рив, бросив треклятый обоз на произвол судьбы.

– Случится что? – переспросил Сигмон. – От кого охранять?

– От всех, – отрезал Птах.

– Я должен знать, к чему готовиться, – тихо произнес Сигмон.

Де Грилл помолчал, потер острый подбородок длинным пальцем.

– Не всем в королевстве нравится идея насчет королевы родом из Тарима, – признался он. – Возможно, придется умирять толпу, раззадоренную каким-нибудь провокатором. Не рискуй. По возможности не ввязывайся в драки. Просто бери принцессу за шиворот – и наутек.

– Понял, – сухо отозвался Ла Тойя. – А если придется сражаться?

Де Грилл вытащил из кармана золотой кругляш на цепочке и сунул его в руку Сигмону.

– Вот, – сказал он. – Про прибытии на место берешь командование на себя. Отвечаешь за принцессу головой. Делай все, что сочтешь нужным, но привези ее сюда целой и невредимой.

– Никаких ограничений? – переспросил граф, разглядывая королевский медальон.

– Геор выразился так, – сухо произнес советник, – «пусть хоть целый город вырежет, но доставит мне Вэлланор».

Сигмон поднял взгляд, рассматривая осунувшееся лицо советника. Тот поднял вверх указательный палец.

– Но я, – подчеркнул он, – я бы не советовал тебе увлекаться резней. Плохо скажется на репутации королевских служащих.

– Я понял, – сухо отозвался Сигмон, сжимая в кулаке символ, наделяющий владельца властью личного распорядителя монарха. – Все будет хорошо, Эрмин.

– Значит, все в порядке, – отозвался Де Грилл. – Я на тебя надеюсь, Сигги. Ступай. Отправляйся немедленно.

– Уже иду, – отозвался граф и пошел к выходу из покоев советника.

– Постой! Сигмон, что там с Верони и Летто?

– Развел их по разным углам. Сегодня смертоубийства не будет. Детишки вместе посмеялись надо мной, и есть надежда, что они оставят эту глупую затею с дуэлью и вместе пойдут по кабакам.

– Славная работа.

– Ты должен мне ставку королевского шута, Эр. И новый камзол.

– После возвращения. Все – после твоего возвращения с принцессой. А там и камзол, и мешок с деньгами, и орден размером с тарелку. Все, беги!

Сигмон так и поступил. Он знал, что советник рассказал ему далеко не все. Нужно быть слепым, чтобы не заметить – кто-то будоражит народ, настраивает чернь против будущей королевы. Целенаправленно и довольно умело. Может быть, и ей самой грозит опасность. О чем только думал король, если не выслал ей навстречу полк преданных гвардейцев? Неужели он ничего не знает об угрозе? Может быть. Эрмин не зря жаловался, что король стал не так прозорлив, как раньше. Но зато об угрозе знает его советник – Птах. И он выслал принцессе навстречу нечто более ценное, чем полк выдрессированных болванчиков. Он послал ей навстречу ручного Зверя.

Прижимаясь лицом к теплой гриве вороного, Сигмон летел навстречу восходу. Полдень он должен встретить в Тире. И никак иначе. Принцесса – ждет.

* * *

Проснулся Демистон мгновенно, едва заслышав тихие голоса в коридоре. Встрепенулся, окинул взглядом маленькую комнатку, заставленную столами и мягкой мебелью. Никого. Лишь за стеной тихий шепот.

Капитан снял ноги с банкетки, сел ровно, пытаясь сохранять хоть какие-то приличия. Мягкий диван в приемной советника короля был словно создан для сна. Когда ему велели ждать Де Грилла в этой комнате, капитан без лишних слов направился к этому бархатному чудовищу. Вольготно расположившись на мягких подушках, он сразу заснул – как служивый, хорошо знающий цену свободным минутам. На дворе ночь, советника короля можно ждать часами, так что упускать такую прекрасную возможность выспаться Корд не собирался. Он знал, что когда придет время и Де Грилл освободится – его разбудят. И советник короля простит грубого солдафона, задремавшего в приемной.

Демистон бросил взгляд на большие дубовые двери, ведущие в соседний кабинет, и расправил плечи. Подтянул к себе саблю, лежавшую на подушках, прицепил к поясу. Потом разгладил пятерней взъерошенные волосы, успевшие отрасти за время службы в столице, стряхнул с замызганного плаща одну из миллиона пылинок. Откашлялся.

Советник не заставил себя долго ждать – двери тотчас распахнулись, и в темную приемную влетел Де Грилл. Как обычно, целеустремленный, вечно куда-то опаздывающий и, кажется, никогда не спавший.

– Да! – с ходу рявкнул он, не удосужившись даже поздороваться. – Что на этот раз?

Капитан, уже не впервые исполнявший поручения советника короля, не имеющие отношения к его непосредственной службе, поднялся и коротко поклонился. Де Гриллу он был обязан и новым чином, и помилованием, и с удовольствием принял правила игры, в которой он был для советника не только капитаном стражи, но и личным подручным. И то, что Де Грилл обращался с ним порой как с бездушным инструментом, ничуть его не задевало. Он просто старался быть хорошим инструментом. Незаменимым.

– Дурные новости, граф, – тихо произнес Корд. – Лавен Летто мертв.

– Лавен? – Эрмин шагнул ближе, навис над капитаном. – Когда это случилось?

Демистон вдруг сообразил, что понятия не имеет, сколько он проспал, и потому решил придерживаться фактов.

– Чуть позже полуночи, – ответил он. – Его нашли мертвым после приема в особняке Бровков, когда гости начали расходиться. Послали за патрулем, а ребята отправили ко мне вестового.

– Проклятье, – процедил советник. – И что же вы?

– Отправился в особняк. К тому времени слуги Летто уже увезли тело Лавена в родительский дом, а Эветта выставила стражников за дверь. Я приказал им продолжить патрулирование, а сам отправился к вам.

– Это было несколько часов назад, – бросил Эрмин, сверкая птичьими глазами. – Чем вы занимались все это время?

– Спал, – отрезал капитан. – Здесь, у вас под дверью, как приبلудившийся пес.

– Надо было сразу найти меня! – зарычал граф. – Нет. Правильно. Я был занят.

– Мне так и сказали, – заметил Демистон. – Но я решил вас дождаться.

Де Грилл развернулся, прошелся к окну, забранному тяжелыми бархатными шторами, и с полпути вернулся к капитану.

– Ладно, – бросил он. – Что вам удалось узнать?

– Судя по докладу патрульных, Летто нашли в саду, недалеко от дома. Он был заколот чем-то острым. Предположительно легким клинком или кинжалом. Удар в легкое, рядом с сердцем. Никто ничего не видел.

– Верони?

– Был там, – отозвался капитан. – Но к моменту обнаружения тела Верони уже покинул особняк.

– Проклятье, – бросил советник, опускаясь на диван. – Только этого мне не хватало.

– Простите, граф, – тихо произнес Корд. – Я не мог уследить за всеми.

– Не ваша вина, – отрезал советник. – Просто не понимаю, как такое могло случиться. Сигмон ясно дал понять, что сопляки отказались от дуэли.

– Сигмон? – удивился Корд. – Сигмон был там, с ними?

– Да, – немного подумав, ответил Эрмин. – Он присматривал за ними. И незадолго до убийства явился ко мне, с уверением, что все улажено.

– Явился, не доведя наблюдение до конца? – В голосе капитана явно проступили нотки сомнения. – Сигмон?

– Нет, не так, – с сожалением признал Эрмин. – Он был отозван. И сообщил информацию, актуальную лишь на тот момент времени. Это было до полуночи. По его словам, мальчишки раздумали драться и даже соизволили перекинуться парой вежливых слов. Я верю ему, Сигмон никогда не ошибается. Но через некоторое время Летто все-таки убили.

Граф покачал головой и тяжело поднялся на ноги. Потер ладонями узкое лицо, словно пытаясь разогнать застывшую кровь.

– Трое суток не сплю, – неразборчиво пожаловался он пустому дивану. – Голова словно набита паклей.

– Вам нужно отдохнуть, граф, – мягко посоветовал Корд, тронутый тем, что советник выразил в его присутствии свои чувства – так, словно они были близкими друзьями. – Вы неважно выглядите.

– Это только начало, – печально произнес граф, не отнимая ладоней от лица. – Через несколько часов старший Летто начнет взывать к правосудию, потребует у королевского дознавателя казни младшего Верони, а когда получит отказ – ведь улики у нас нет, – поднимет на ноги вассалов. А быть может, он уже прямо сейчас собирает толпу преданных людей, чтобы штурмом взять особняк Верони. Вот только войны посреди города мне и не хватало. В народе и так неспокойно, свадьба не вызывает особых восторгов, а тут еще вражда двух кланов. Чую, дело кончится кровью.

– Непокойно, – осторожно произнес Корд, – только на окраинах. В самом деле, народ немного взволнован, не более. Но накануне больших перемен в королевстве всегда так бывает. Возбуждение растет, но оно может выплеснуться и безудержным весельем.

– Или превратиться в безумие бунта. Чтобы окраины вспыхнули, нужна всего лишь одна искра. А сейчас в самом центре столицы запылывает настоящий погребальный костер. Кому-то очень нужно, чтобы он запылал. И именно сейчас...

Эрмин внезапно замолчал, отнял руки от лица и окинул капитана острым изучающим взглядом.

– Корд, вы немедленно займетесь этим делом, – сказал он. – Бросайте все и начинайте вынюхивать.

– Я? – искренне удивился Демистон. – Но служба... Такими делами занимается лейтенант Горан.

– Горан займется тем, что ему прикажут. Он будет расследовать дело о дуэли, по требованию королевского дознавателя, к которому наверняка, несмотря на столь ранний час, уже спешит лорд Летто.

– А что прикажут мне? – напрямик спросил капитан.

– Официально вы будете помогать Горану. Пока он станет заниматься бумажной волокитой и увещеванием разгневанных родителей, вы, Корд, возьмете пару толковых людей и займетесь настоящей работой. Прочешите сад Броков. Опросите возможных свидетелей дуэли. Поговорите со слугами обеих семей.

– А мне позволят это сделать? – усомнился капитан. – Оба лорда и Эветта Брок будут недовольны. Это работа для Сигмона, его титул открывает те двери, от которых меня гонят прочь.

– Сигмон занят, – отрезал Де Грилл. – Сейчас настало ваше время работать головой, Корд. С клинком вы управляетесь отлично, это я уже знаю. Теперь проявите смекалку. Официально вы станете собирать информацию для лейтенанта Горана и королевского дознавателя, так что препятствий вам чинить никто не посмеет.

– А неофициально? – тихо осведомился Демистон.

Долговязый советник, как никогда похожий на взъерошенную птицу, наклонился к самому уху бывшего пирата.

– Вы начнете искать убийцу Лавена.

– Но Верони...

– Ищите настоящего убийцу, – тихо произнес советник короля. – О ходе расследования этого вопроса сообщайте лично мне. В любое время.

– Так точно, – по-военному отозвался Корд.

– Тогда приступайте, – велел Де Грилл, выпрямляясь и осматривая капитана с головы до ног. – Времени у нас нет. Невеста Геордора вскоре прибудет в столицу, и к этому моменту тут все должно быть улажено. Я очень рассчитываю на вас, Кейор Черный. Вы кажетесь мне незаурядной личностью. Оправдайте мои надежды и увидите, что место капитана городской стражи – далеко не предел для умного и преданного человека, кем бы он ни был раньше.

Демистон медленно поклонился советнику и молча вышел из кабинета. Все, что он хотел услышать, он услышал и теперь знал, что нужно делать. Больше говорить было не о чем.

Эрмин Де Грилл проводил капитана взглядом, и лишь когда за Кордом закрылась дверь, позволил себе выругаться.

– Убил бы кого-нибудь за час сна, – сказал он сам себе. – И даже за четверть.

С тоской взглянув на тяжелые шторы, за которыми уже начинало светлеть осеннее небо, Эрмин тяжело вздохнул. У него не было в запасе ни лишнего часа, ни лишних пяти минут.

– Пора присмотреться к любителям ловить рыбку в мутной воде, – пробормотал Де Грилл, с сожалением окидывая взглядом пустой диван. – Прямо сейчас.

Сон – непозволительная роскошь для советника короля. И уж тем более для его друга. Эрмин вздохнул, отвел взгляд от дивана и направился к двери. Его ждал долгий подъем на самую высокую башню замка, туда, где птичий гомон заглушал шум просыпающегося города.

* * *

Когда первый солнечный лучик пробился сквозь щель деревянной ставни и коснулся лоскутного одеяла, Вэлланор открыла глаза. Она проснулась сразу, очнувшись ото сна, словно спала целый день, а не несколько часов. Солнце. Здесь, у самых гор, в короткий осенний день. Она не желала терять ни единой минуты.

Откинув потрепанное одеяло, сшитое из синих и красных лоскутов, она села и спустила ноги с кровати. Холодные доски пола неприятно ожгли босые ступни, но Вэлла решительно встала и подошла к окну. Со скрипом распахнулись ставни, и блеклое осеннее солнце ворвалось в тусклую комнату, обволакивая мягким сиянием хрупкую девушку, замершую у окна.

Ночная рубашка, сшитая из белоснежного шелка, просвечивала насквозь, открывая солнцу худые плечи, острые локти, тонкий стан и по-девичьи небольшие, но крепкие груди. Вэлла стояла неподвижно, впитывая последнее тепло осени, и ее соломенные волосы, лежавшие на плечах тяжелым покрывалом, казалось, светились изнутри, насыщаясь солнечным светом.

В окно ворвался холодный ветер, растрепал бледное золото волос по плечам, и Вэлла поежилась. Холодно. Не так, конечно, как дома, но все же прохладно. Особенно ногам.

Нехотя она отошла от окна и начала собираться. Одеваясь, все поглядывала в сторону двери – за нею было тихо. Вся двухэтажная таверна, в которую полуночные путешественники

набились как сельди в бочку, спала. Как странно. Тишина – и солнце. Здесь не спят слуги, готовясь к завтраку, не суетятся горничные, готовые подать выглаженное платье. Тишина и покой. Как же она отвыкла от этого за последние дни.

Одевшись в ставшее привычным дорожное, Вэлла накинула на плечи куртку из беличьих шкур и снова подошла к окну. Отсюда, со второго этажа, был виден весь городок, приютившийся у склона горы, заросшей огромными елями. Крохотные бревенчатые домики теснились на небольшом ровном участке, словно пытаясь согреться друг о друга. Целое селение в лесу. Сверху, с гор, спускается узкая дорога, больше похожая на тропинку. Именно по ней ночью спустился их небольшой караван, миновав военную заставу, перекрывающую путь в горы. Тропинка вела сквозь деревья прямо к площади – крохотному пятачку утоптанной земли, над которым высилась пара двухэтажных домов – самых высоких в этом городке. Таверна и управа. Дальше тропинка становилась улицей, пронзала насквозь маленький городок и, превратившись в дорогу, уходила вниз, к дальнему лесу.

Вэлла обернулась, взяла со стола походный кожаный саквояж и нащарила в нем деревянный гребень. Сев на край стола – прямо напротив окна, она начала расчесывать волосы. Медленно, начиная с самых кончиков, стараясь распутать сбившиеся в комки пряди.

Солнце заливало пустую комнату золотистым светом. Светло, холодно и тихо. Как необычно. В замке деда нет таких светлых комнат. На минуту Вэлле показалось, что она осталась одна на белом свете. Она чувствовала себя так странно, как никогда раньше. Чувствовала себя свободной. Встать бы и уйти в лес. Идти по павшей хвое, вдыхая тягучий запах свежей смолы. Но она не может. Не сейчас. А сможет ли когда-нибудь после?

Принцесса Вэлланор Борфейм. Вэлла выпрямилась, расправила плечи, стараясь подражать матери, что всегда сидела слева от отца. Ох, как нехорошо! Его Величество страшно огорчился в тот раз, когда Карел назвала ее принцессой. Он разозлился и выбрал лорда Тира за какой-то пустяк. Она не станет принцессой, пока дедушка – король.

Пусть так. Вэлла подняла руку, и деревянный гребень, пахнувший кедром, вновь медленно заскользил вниз по золотым волнам волос. Королева Вэлланор Сеговар. Рука замерла, испугавшись чужого имени. Может ли королева убежать в лес, чтобы побродить в тишине среди деревьев?

Вряд ли. Все, что она видела, говорило об обратном. Бабушка и шагу не могла ступить без толпы сопровождающих ее дам. И даже в Каменных Чертогах, в личных покоях короля, она никогда не оставалась одна. И в легендах, во всех свитках, собранных поколениями библиотекарей в Длинной Башне, королевы никогда не отправлялись гулять в лес. Если только им не приходилось скрываться от врагов, дожидаясь помощи от героев, вставших на защиту королевской чести.

Плечи ее вздрогнули – Вэлла постаралась сдержать вздох. Потом, оглянувшись, вздохнула, уже не таясь. Больше за ней не следят воспитательницы, служанки, мамы подруги. И ничто не будет хуже заточения в Каменных Чертогах. Она выросла в них – там, среди холодного камня, вздрагивая по ночам от каждого шороха. Она рано научилась вздрагивать – с пяти лет, когда в спальню к матери пробрался сумасшедший убийца, решивший умереть у ног безответной любви. Он умер, перерезав себе горло и залив кровью белоснежный ковер, привезенный из Волдера. И только потом, через пару лет, Вэлланор поняла – это могла быть и ее кровь. Или кровь мамы. Или отца.

Рука дрогнула, и на деревянном гребешке осталась пара золотистых волос. Вэлланор осторожно сняла их и снова начала причесываться. Равномерные и знакомые движения успокаивали.

Жена короля. Она ведь уже едва не побывала замужем. Когда ей исполнилось шестнадцать, король отдал ее руку лорду Боргу, хозяину самой северной горной провинции, граничащей с поселением гномов. Даже помолвка состоялась. Отец был против, но ни слова не сказал

королю. Вэлла тоже молчала, хотя огромный и толстый Борг, заросший седеющей щетиной, приводил ее в ужас. Он ничуть не напоминал героев и принцев из сказаний. Но вскоре Борг в чем-то провинился, и дед велел бросить его в темницу. Чуть позже его казнили в Главном зале – у самых ступенек трона. Ему отрубили голову. Вэлла смотрела казнь вместе со всей семьей. Потом она болела целый месяц – лежала в постели и молчала. А после о Борге не вспоминали. Совсем.

Когда отец вновь позвал ее к себе, она уже догадывалась, о чем пойдет речь. Все было как в прошлый раз – никаких слуг, только отец и дочь. Перед тем как ее позвал отец, мама плакала два дня, и Вэлланор прекрасно понимала, что дед запретил ей говорить с дочерью. Старших сестер она давно не видела – те жили со своими мужьями-лордами в их уделах и даже не писали ей. А слуги много шептались меж собой, но укрощали языки, едва завидев хозяев.

На этот раз отец улыбался. Он делал это так редко, что Вэлла сначала испугалась – что это за странная гримаса у него на лице. А потом поняла. Отец обнял ее, поцеловал в щеку – так, как не делал этого уже несколько лет. А потом сказал, что ей выпала великая честь. Она станет королевой Ривастана.

После этого он еще долго говорил, но Вэлла почти ничего не слушала. В ее ушах звучало набатом лишь одно слово – Ривастан. Так далеко от дома. От Каменных Чертогов. От камней и снега. От черного трона с невысыхающей лужей крови предателей у самых ступеней.

Когда отец показал ей портрет будущего мужа, Вэлла едва взглянула на него. Какой-то старик с седой бородой... Король. Короли – все такие. А если посмотреть на дедушку, так ривастанский выглядит даже очень хорошо. И дедушка не отрубит ему голову, если что-то пойдет не так.

Она все еще пыталась вспомнить, где находится столица Ривастана, когда услышала, как отец зовет ее по имени. Она никак не могла понять, чего он от нее хочет. Потом догадалась – согласия. Он спрашивал, согласится ли она выйти замуж за седобородого старика, живущего где-то на юге, где зима теплее горного лета. Согласится ли стать королевой?

Ее сердце исполнилось гордостью за отца. Он спрашивал ее – хотел знать ее мнение, а вовсе не приказывал выйти замуж за нужного вассала, как это сделал дед. Она сказала – да. Медленно и осторожно, чтобы не выдать свою радость, вспыхнувшую внутри, словно горячий костер. И с этой секунды размеренная жизнь в дальних комнатах замка сменилась разноцветным вихрем подготовки к путешествию.

Вэлла оглянулась еще раз, словно пытаясь понять, куда ее забросил этот вихрь. Крохотная таверна в горах. О таких она раньше лишь читала в свитках про странствующих героев. Теперь и она странствует, а рядом с ней верные спутники. Дядя, которого она не видела несколько лет, и ставший ей совсем чужим. Храбрые воины. Верные слуги. Небо. Горы. Сосны. И лето впереди...

Вэлланор почувствовала, что у нее кружится голова. Она не верила, что все это происходит на самом деле. Сама себе она казалась персонажем из старой легенды. Королева. Дочь будущего короля и будущая супруга короля настоящего. Может быть, и о ней когда-нибудь напишут в свитках. О ее путешествии через горы. Может, песню об этом путешествии когда-нибудь споет менестрель, в этой самой таверне. Сто лет спустя. Вэлланор Прекрасная, Вэлланор Добрая...

Стук в дверь оборвал чудесное видение. Вэлла Борфейм съежилась, втянула голову в плечи и, подобрав подол, побежала к кровати.

– Вэлланор! – раздался голос дяди.

Девушка застыла посреди комнаты, словно вор, застигнутый на месте преступления.

– Ты не спишь?

– Нет, дядя, – пискнула Вэлла, с ужасом гадая – может, лучше было промолчать?

– Прекрасно. Я как раз шел тебя будить. Сейчас придет служанка с завтраком, а потом будем собираться в дорогу.

– Да, дядя, – отозвалась Вэлланор и с облегчением услышала шаги в коридоре – герцог Бертар ушел.

Упав на кровать, она едва не разрыдалась. Ей казалось, что ее радужные мечты – самое настоящее преступление. Против деда. Против отца. Предательство всей семьи Борфейм. И так оно и было – там, в Каменных Чертогах, оставшихся по ту сторону гор. Но теперь...

Вэлла подняла голову, и солнечный луч коснулся ее бледной щеки. Теперь они в Ривастане. В ее стране. Стране, где ее самые смелые мечты будут не преступлением, а законом.

Приподнявшись, она подставила лицо солнечному свету и рассмеялась. Впервые за последние три долгих и холодных года.

* * *

Сквозь небрежно задвинутые шторы пробивался зыбкий утренний свет. Свечи, аккуратно расставленные на столе, догорали, заливая воском бронзовые подставки. Отблески огоньков плясали по пустой тарелке с остатками салата и недопитому бокалу с красным вином. Бутылка из темно-зеленого стекла стояла рядом. Она была пуста.

Герцог Гемел Сеговар отодвинулся от стола и тяжело поднялся из мягкого кресла. Пышные седые волосы рассыпались по плечам, по впалым щекам разлился лихорадочный румянец. Глубоко запавшие глаза покраснели. Оттолкнувшись от спинки кресла, герцог, сильно припадая на правую ногу, двинулся к окну. Все тело болело, перед глазами висела дымка, а в ушах стоял непрерывный надоедающий шум, напоминавший прибой.

Гемел остановился, переводя дыхание. Подумать только, а когда-то он мог обходиться без сна сутки, а то и трое, кутить всю ночь напролет с приятелями, а после еще и выбраться на охоту. Возраст. Проклятый возраст. Он ведь даже старше, чем этот болван Геор, погубивший его единственную дочь.

Дрожащей рукой герцог откинул штору, и солнечный свет ударил ему в грудь, растекшись горячим пятном по черному бархату камзола.

– Еще один день, – прошептал Гемел. – Еще один...

Он так долго ждал этого дня. Ждал с тех самых пор, когда ему сообщили, что его дочь умерла при родах, а внук родился мертвым. Проклятое семя Геордора погубило его семью. У него больше никого не осталось – жена умерла месяцем позже, так и не сумев свыкнуться с мыслью, что Ирен мертва. А Гемел остался жить, он приказал себе оставаться в живых до самого конца, чтобы увидеть, как падет убийца его семьи.

– Не смей подводить меня, – прошептал герцог собственному сердцу, на мгновение замершему в груди. – Только не сейчас...

Все готово. События понеслись вскачь, и теперь ничто не может их остановить. Зыбкая паутина, которую он плел столько лет, стянулась, грозя превратиться в смертельную удавку.

– Не сейчас, – шепнул Гемел, отменяя воспоминания о золоте волос Ирен.

И сердце забилося ровно, подчинясь яростному приказу, шедшему из глубины души.

В дверь постучали, и герцог резко отвернулся от окна.

– Да, – бросил он.

В приоткрывшейся щели мелькнуло бледное лицо Пима – одного из тех слуг, которым герцог еще доверял.

– К вам гость, милорд, – тихо произнес Пим, выглядевший ничуть не моложе господина. – Назвался Тенью.

– Веди сюда, – распорядился Гемел.

Слуга растворился в темном коридоре, а Гемел отошел от окна. Он вернулся к столу, но не стал садиться – встал за креслом, расправив плечи и сложив руки на груди. Он больше не напоминал старика, прошедшего бессонную ночь за бутылкой слабенького винца. Теперь он вновь походил на властителя Западных земель, сурового и беспощадного хозяина, требовавшего от слуг беспрекословного подчинения.

Тьма в коридоре сгустилась и просочилась в кабинет герцога. Гемел невольно вздрогнул, обнаружив, что всего в паре шагов от него возник, словно ниоткуда, невысокий человек в черном плаще. Его лицо скрывала черная широкополая шляпа, оставляя на виду только хрупкий и острый подбородок. Герцога восхищала способность этого человека всегда оставаться незаметным. А иногда – ужасала.

– Милорд, – произнес свистящим шепотом Тень, почтительно склоняя голову.

– Тень, – герцог небрежно кивнул, – что в городе?

– Все идет по плану, милорд. Как мы и предполагали, смерть Летто усилила волнения. Вассалы лорда Летто уже прочесывают Гнилые кварталы в поисках крепких парней.

– А что Верони?

– Затаился. Особняк тих и пустынен. Быть может, он еще не пришел в себя после приема.

Герцог осторожно коснулся пальцем чисто выбритого подбородка, словно не решаясь задать следующий вопрос. Но потом решился.

– Ты считаешь, что следующую встречу можно провести в том же месте?

– Да, милорд, – отозвался Тень. – Я гарантирую безопасность.

– Совет Лордов больше не представляется мне достаточным убежищем. Я уверен, что Птах уже установил слежку за особняком Совета.

– Сейчас он будет занят другим. И, тем не менее, я уверяю вас, что встречи будут по-прежнему безопасны.

– Хорошо, – Гемел поджал губы и нахмурился, принимая на веру слова темного человека. – Кстати, о Птахе. Что с его подручным? Этим деревенским выскочкой, который постоянно сует нос не в свои дела?

– Он уехал из города. В полночь. Торопился, словно за ним гнались демоны.

Колючий взгляд герцога смягчился. Он довольно хмыкнул и покачал головой.

– Все, как ты обещал, Тень. Как тебе это удалось?

– О, – в темном промежутке между воротником и черной полкой шляпы сверкнула улыбка. – Возникла необходимость срочно отослать гонца... Королевского гонца. Птах не мог выбрать никого другого.

– И что же это за сообщение? – нахмурился Гемел. – Что-то важное для нас?

– Нет, милорд. Всего лишь указания о подготовке встречи невесты короля. Но весьма срочные указания и достаточно важные. А поскольку Ла Тойя раньше был гонцом...

– Понимаю. Отлично. Так или иначе – в городе все меньше шпионов Птаха. Тот маг, как я понимаю, еще не скоро вернется в столицу.

– Точно так, милорд. Он уже встретился с определенными затруднениями и, боюсь, как это ни печально, опоздает к свадьбе.

– Превосходно. Я очень доволен тобой, Тень. Твои рекомендации, безусловно, оправдались.

– Спасибо, милорд. Я надеюсь, что вы вспомните об этом потом. После того, как...

– Конечно, – перебил герцог. – Я не забываю ничего. Ни добра, ни зла.

Тень вновь согнулся в поклоне, превратившись в зыбкий черный силуэт, едва заметный в полумраке комнаты.

– А теперь – иди, – велел Гемел. – Проследи, чтобы ко времени нашей встречи все было готово. И поторопись с последним поручением.

– Будет исполнено, милорд, – прошелестел Тень. – Я немедленно приступлю к исполнению ваших приказаний.

Он скользнул к двери и растворился в темноте, словно призрак. Гемел вновь вздрогнул. Незаметный человек, который в любой момент может вдруг появиться у вас за спиной с кинжалом в руках... Идеальный шпион. И убийца. Рекомендации лорда Лиммера недвусмысленно указывали на это. Лорд уверял, что не раз проверял этого малого в деле, и тот всегда достигал успеха. Сам Лиммер, правда, предпочел удалиться в Южную провинцию, подальше от столицы. Заявил, что он уже слишком стар для всего этого, как он выразился, конского дерьма. Жаль, очень жаль. Но, к счастью, он оставил своего подручного. Неоценимый человек. Деятельный, знающий, умелый. Такие люди всегда в цене. И если все получится так, как планируется, то новый правитель окажется перед серьезной дилеммой – нужен ли ему такой человек, или он слишком опасен, чтобы продолжать жить.

Гемел нахмурился. Он подозревал, что этот вопрос очень скоро ему придется решать. Возможно, даже раньше, чем произойдет нечто... значительное. Но еще не сегодня. Не сейчас.

– Геордор, – герцог погрозил кулаком открытому окну. – Подожди еще немного, проклятый убийца. Осталось чуть-чуть. Я сделаю то, что ты так и не решился сделать со мной.

Ноги герцога подкосились, и он упал в кресло. На мгновение закрыл глаза, но не заснул. Он потянулся за бутылкой с вином, в которое была добавлена возбуждающая микстура. Нельзя спать. Только не сейчас, когда каждая минута дорога, как целый век. Не сейчас. Не сегодня. Он взял бутылку со стола и обнаружил, что она уже пуста.

– Будь ты проклят, Геор, – прошептал Гемел.

* * *

Возвращаясь к Башне Стражи, Демистон не торопился. Пройдя сквозь пост королевской стражи, что располагался в арке ворот замковой стены, он покинул дворец и двинулся вниз по узкой улочке, уходившей в сторону от площади, раскинувшейся перед стенами замка. Улица спускалась вниз, к реке, петляя меж старых особняков знати, давным-давно перебравшейся в новые дома, окружавшие замок плотным кольцом. Здесь же, в ветхих, рассыпающихся от старости каменных домах жили, в основном, слуги со своими семьями. Здесь же устроились и конюшни, и шорни, и даже небольшие кузни – все, что может потребоваться высокопоставленным господам, беспечно проводящим время в новеньких особняках. Здесь была изнанка королевской площади, ее обратная, темная сторона. И далеко не самая худшая из тех, что довелось повидать Демистону.

Капитан брел по брусчатке, старательно обходя следы пребывания в этой части города многочисленных лошадей. Причудливые крылечки самых разных форм и размеров притягивали его взгляд. Респектабельный район. В прошлом. Впрочем, он и сейчас не хуже обычного городского, из тех, что раскинулись за рекой. Многие купцы охотно бы поменялись жильем с местной прислугой – лишь бы быть поближе к сильным мира сего, которые, в свою очередь, вились вокруг королевского дворца, как мошकारа над фонарем.

Корд невольно вспомнил о своем домике – крохотной каменной лачуге, приютившейся между таверной и конюшней на другом конце города, на границе с окраинами. За пару монет служанка из таверны присматривала за квартирой капитана, пока тот был на службе. Одноэтажная халупа с высоким чердаком когда-то была постом стражников – пока граница города не передвинулась дальше. Корд получил это жилье по наследству от стражника, давно перебравшегося в другой район. Но это был его дом – бумаги выправили по всей форме, и Корд Демистон впервые стал владельцем самого настоящего жилья. Не съемного, не предоставленного службой во временное пользование, а самого настоящего своего дома, расположенного так далеко от зеленых волн моря его родины.

В первые дни это его поражало. Он возвращался со службы ближе к утру и с невыразимым наслаждением запирали за собой дверь, отгораживаясь ею от всего мира, обретая независимость и покой. Ему нравилось это чувство. Постепенно он привел хозяйство в порядок – починил двери, перестелил полы в обеих больших комнатах и вскоре намеревался взяться за чердак. Но потом... Потом ему стало скучно.

Ужасно скучно и неинтересно приходило домой и засыпать в одиночестве на узкой и холодной постели. Шлюх домой он не водил – и помыслить о том не мог. Впрочем, к девкам его и не тянуло. Корд давно убедился в одном – все, что они могли дать, перестало его интересовать с тех пор, как он впервые обнаружил седой волос в бороде. Ему было нужно иное. Ему были нужны не девки и не просто голые стены, ему был нужен Дом с большой буквы. Семья. Слово, которое когда-то давно сорвало его с места и бросило в большой мир. С тех пор он боялся этого слова настолько, что даже не решался произнести его вслух. Но чем старше он становился, тем чаще он произносил его про себя. И тут же гнал его прочь – бродячая жизнь не оставляла места для настоящего дома. Он скрывался, был в бегах, жил под чужой личиной и в любой момент мог отправиться на виселицу. Корд не желал, чтобы его сын вырос сиротой – как он сам. Память о собственном отце и не давала ему покоя. Он не хотел быть похожим на него.

Все изменилось, когда он приехал в Рив. Захваченный течением жизни, что вилось вокруг Сигмона Ла Тойя бурным водоворотом, Корд внезапно оказался в тихой гавани. Прощение. Должность. Дом. У него было все, к чему он стремился. Теперь, пожалуй, он мог произнести вслух это слово: семья. Но, как назло, и тут его настиг злой рок. Королевская семья задала ему столько работы, что некогда было думать о своей. Свадьба Геордора Третьего грозила обернуться крупными неприятностями, и капитан городской стражи перестал ночевать дома. Как в старые времена, он проводил все свободное время на работе, сутками не возвращаясь в скромный дом у таверны, застывший в вечном ремонте. И не далее чем вчера он дал себе слово – после свадьбы короля он займется своей. Проклятье, лучшего момента, наверно, уже не будет. Но сегодня...

Сегодняшний разговор с Птахом заставил его задуматься. Эта история с убийством Летто очень дурно пахла политикой. А ему предстояло разгрести и очистить всю эту выгребную яму. Если дела пойдут худо... Возможно, у него не будет домика на окраине. А возможно, и головы. И даже если в этот раз все обойдется, что будет в следующий? Его работа не оставляет ему ни времени, ни сил на другую жизнь. Оставить все как есть? Доживать свой век капитаном городской стражи, ночуя на работе и иногда навещая бордель? Женат на работе – так говорили про таких служак, которых Корд Демистон повидал достаточно.

Бывший пират Кейор Черный поднял голову и прищурился на бледное осеннее солнце, поднимавшееся над городом. Нет. Он не сдастся. Он выбьет из судьбы и теплый камин, и жену, и сына – точно так же, как выбил уже из нее новую жизнь. Вырвет зубами, достанет со дна и присвоит, как самую большую драгоценность, взятую при abordage.

Демистон ухмыльнулся. Теперь он знал секрет удачи. Нужно всего лишь держаться поближе к Сигмону Ла Тойя. Вокруг него все время что-то происходит, а там, где есть движение, там возможны... Возможны варианты, как говорил Тир Савен, начальник городской стражи Ташама. Как он там, старый боров? Надо бы отослать ему весточку.

Когда впереди показалась квадратная башня городской стражи, Корд уже улыбался. Он выпался в приемной Птаха, принял важное решение, составил план действий на ближайшую неделю и готов хоть сейчас идти на abordage любого особняка любого лорда. Он готов драться за свое будущее.

* * *

Геордор Вер Сеговар проснулся от тихого шороха. Не открывая глаз, он сунул руку под подушку и нащупал трубочку самострела. Осторожно потянул на себя как можно тише и аккуратнее. Его нервы сплелись в тугой клубок, в висках стучала кровь. Ногу свело судорогой, но Геордор не издал ни звука. На лбу проступил пот – пробуждение казалось продолжением ночного кошмара, в котором убийцы, затянутые в черное, подступали все ближе к его кровати...

Громкий скрежет возвестил, что шторы королевской спальни распахнулись. Яркий солнечный свет упал на подушку, и даже сквозь закрытые веки король увидел его.

– Государь?

Король застонал и сунул самострел обратно под подушку. Потом приподнялся, сел и начал растирать сведенную судорогой ногу. В сторону Де Грилла, застывшего у окна, он стал не смотреть.

– Как спалось, сир? – вежливо осведомился советник – уже умытый, причесанный и успевший надеть свежее платье.

– Отвратительно, – буркнул король, растирая ногу. – Опять этот кошмар с убийцами...

Де Грилл подошел к кровати, взялся за кисточку балдахина, повертел ее в длинных пальцах, рассматривая так, словно увидел в первый раз.

– Меня это тревожит, сир, – сказал он. – Может, стоит на время прекратить принимать эликсиры полуэльфа? Мне кажется, они излишне возбуждают... пациентов.

– Нет, микстуры тут ни при чем, – отозвался король, спуская ноги с кровати. – Это все твоя болтовня насчет заговоров. Ни днем, ни ночью от нее покоя нет. Вот уже и кошмары снятся. Кстати, ты опять забыл покашлять? Меня чуть удар не хватил, когда ты начал расхаживать по комнате. Неслышно, тайком, как настоящий убийца. Чуть не пристрелил тебя.

– Да я и не скрывался, – искренне удивился Де Грилл. – Я, как всегда...

– Вот именно, – с раздражением перебил Геордор. – Как всегда! Сколько раз тебе говорить, хватит шастать по коридорам, как привидение. Иначе, клянусь небом, кто-нибудь всадит в тебя арбалетный болт! Или я, или стража...

– Надеюсь, до этого не дойдет, государь, – сухо отозвался советник. – Но иногда появляются дела столь строчные, что я готов рискнуть головой, лишь бы побыстрее добраться до вас, сир.

– Ладно, – король махнул рукой. – Не дуйся. Заладил с самого утра – сир да сир... Что-то случилось?

– Увы, дурные вести, – сказал Де Грилл, отпуская кисточку балдахина. – Есть проблемы.

– Вести от Ла Тойя? – вскинулся король.

– К счастью, нет. Сигмон благополучно скачет навстречу вашей невесте, сир, меняя лошадей, как барышня перчатки.

– Ну, слава небесам. Надеюсь, он выполнит твое поручение.

– Он всегда их выполняет, сир. На него можно положиться.

– Шустрый парень. Но, надо признаться, от него у меня мороз по коже. Холодный и весьма целеустремленный тип. И смотрит, не мигая...

– Я тоже редко моргаю, сир.

– Ты другое дело! – король смущенно откашлялся. – Не прими на свой счет, Эрмин, но Ла Тойя действительно больше похож на чудовище, чем ты. Особенно в те моменты, когда смотришь в его ледяные глаза и вспоминаешь, что этот парень может сотворить с живым существом.

– Общительным и компанейским его нельзя назвать, – признал советник, – зато он всегда выполняет то, что ему поручено. А это для моего подчиненного самое главное.

– И для моего подданного, – со вздохом признал король. – Но мне кажется, что ему и правда не хватает человечности. Нет, я не о частях тела, я о чувствах. Иногда мне кажется, что в каменных стенах моего замка больше чувств, чем в Сигмоне. Понимаешь, о чем я? Другие с девками гуляют, в кабаках веселятся, а этот – как манекен. Словно не живой.

– В последнее время у него действительно неважно с развлечениями. Думаю, он еще не оправился от удара.

– Какого удара?

– Неудачного брака, сир.

– А, – протянул король. – Да, женушки умеют портить кровь. Надеюсь, меня минует чаша сия. А что там с графиней Ла Тойя? Что-то я о ней давно не слышал.

– Она умерла, сир. Еще до того, как вы пожаловали Сигмону новый титул.

– О! Да, пожалуй, тут не до развлечений. А как это случилось?

– Она была вампиром из Дарелена, и он ее убил.

Геордор шумно закашлял в кулак. Отдышавшись, он взглянул на мрачного советника, скрестившего руки на груди.

– Ах да, – сказал Геордор, – кажется, я припоминаю.

– Собственно говоря, – медленно произнес Де Грилл, – за это мы и наградили его титулом, сир.

Король отвел взгляд и забарабанил пальцами по белоснежной перине. Потом снова взглянул на советника.

– Ты, это... Сделай для него что-нибудь, Эрмин. Подружку найди какую-нибудь, в мои винные погреба отведи или что-то вроде этого. А? На парня и в самом деле смотреть страшно. Теперь хоть понятно – почему.

– Попробую, – отозвался граф. – Хотя это редко помогает в таких случаях.

– Ладно, – король нахмурился. – Так о чем ты хотел меня известить в столь ранний час?

– О неприятностях, сир, – со вздохом признался советник, с сожалением понимая, что король всего лишь хочет сменить тему разговора. – Ночью, после приема в особняке графини Брок, в саду найден труп Лавена Летто. Свидетели утверждают, что неподалеку крутился младший Верони. Есть все основания полагать, что между ними случилась ссора, которую мы так хотели предотвратить. И в итоге один из мальчишек – холодный труп.

– Помню, ты уже говорил о них, – Геордор вздохнул. – И чем это нам грозит?

– Беспорядками в городе, сир. Клан Летто вполне может атаковать Верони. Оба достаточно богаты и влиятельны, чтобы развязать настоящую войну в самом центре столицы.

– Проклятье, – вздохнул король. – Только этого не хватало. Эта их вековая вражда, которую так тщательно лелеют обе стороны, у меня уже сидит в печенках.

– Если мы попробуем быстро замять дело с помощью солдат, город zalьет кровью. Не исключено, что обиженные таким отношением лорды подбьют чернь на бунт. Сейчас толпу легко раскачать. Не говоря уже об уличной шпане, ждущей любого повода к беспорядкам, чтобы вволю помародерствовать. К тому же Совет Лордов расколется как минимум надвое, и бардака в стране станет вдвое больше.

– И все это накануне моей свадьбы! – возопил Геордор. – Эрмин, ко мне едет невеста. Молодая и красивая девочка, которая должна стать матерью наследника двух королевских домов. И куда она приедет – в кровавую городскую войну? Я этого не потерплю. Эрмин, сделай что-нибудь!

– Уже делаю, сир, – со вздохом отозвался Де Грилл. – Старший Летто наведалься к вашим дознавателям. Я назначил расследование, которое постараемся затянуть настолько, чтобы первый гнев успел утихнуть. Лорд Летто добивается вашей аудиенции, надеясь уговорить вас дать приказ арестовать Верони, но...

– Ни за что, – отозвался Геордор. – Я его не приму. Хорошо, я понял. Ни одной из сторон я не буду оказывать никакого внимания. Мое вмешательство только усложнит все дело.

– Именно так, – согласился граф. – Расследование ведут две группы, и, надеюсь, они смогут немного успокоить враждующие кланы.

– Две? – удивился король. – Что там расследовать?

– На самом деле в этом убийстве много загадочного, – задумчиво признался Де Грилл. – Есть шанс, что на самом деле младший Верони тут ни при чем.

– Отличная идея, – одобрил Геордор. – В самом деле, если Летто убил кто-то из ночных грабителей, то это не повод для войны...

– Это не просто идея, – сдержанно отозвался советник. – Это подозрение. Мое. Некоторая информация, которой я обладаю, указывает на то, что ночью между Летто и Верони не было ссоры.

– О! – удивился король. – Так это на самом деле... Еще лучше. Ладно, пес с ними со всеми. Надеюсь, ты разберешься с этим.

– Разберусь, – пообещал со вздохом советник. – Как всегда, сир.

– Эр, – позвал Геордор. – Ты уже завтракал?

– Еще нет.

– Позавтракай со мной, а? Так надоели эти постные рожи, сил нет. Прямо не могу дожидаться, когда у меня будет жена, чтобы устроить настоящий семейный завтрак.

– А пока вместо жены сойду и я? – мрачно осведомился граф.

– Брось, Эр! Что ты с утра такой злющий, будто не спал всю ночь. Сир да сир – заладил, как попугай.

– Я и не спал, – признался советник.

– Тем более, пойдем опрокинем по стаканчику, чтобы кровь по жилам бежала веселей.

Граф Де Грилл взглянул на монарха. Тот смотрел на своего советника, как на волшебника, пообещавшего игрушку соседскому пареньку. Так смотрят те, кому приходилось просить только в детстве. В зрелом возрасте им пришлось отдавать приказы, и сейчас, когда речь заходит о просьбах, они снова превращаются в детей...

– Конечно, Геор, – отозвался граф и печально улыбнулся. – Прости, что поднял тебя в такую рань. С удовольствием принимаю твое приглашение на завтрак.

Король улыбнулся. Он так отчаянно нуждался в друзьях, в тех, которых у него никогда не было в детстве, в юности, в зрелости. И только сейчас, на склоне лет, он, кажется, получил искомое. Заговоры – вещь глупая, ненужная, не стоящая внимания, а вот друзья... Геордор Вер Сеговар Третий был счастлив.

* * *

Вход в особняк Броков располагался неподалеку от королевского замка. Корд пересек площадь и добрался до его решетчатых ворот. Ноги начинали болеть, требуя более основательного отдыха, чем час сна на диване, но капитан был рад, что сейчас у него есть дело и он может совершенно официально сбежать из башни стражи. Там собиралась гроза – бледный, как простыня, капитан Горан сидел за столом над пачкой предписаний от королевского дознавателя и ожидал визита полковника Мерда. Пахло бурей: полковник, командор городской стражи, выходил из себя, когда его подчиненные не могли отрапортовать, что все дела уже улажены. Любая заминка в расследовании воспринималась им как личное оскорбление. А если в расследование вмешивался кто-то из королевского дворца, то полковник считал это прямым доказательством того, что его подчиненные зря едят свой хлеб и их необходимо взбодрить хорошим нагоняем, напомнив, что их всех тут держат только из милости самого полковника.

Демистон терпеть не мог Мерда и даже немного сочувствовал Горану, которому нынче предстояло выдержать удар стихии в лице начальства. Мерд, на взгляд Корда, не имел никакого отношения к страже. Должность свою он получил благодаря протекции и относился к ней не как к работе, а как к дополнительному знаку внимания со стороны королевского двора. И очень удивлялся, когда этот «знак» начинал раскачиваться, пытаясь подвигнуть своего обладателя на какие-то активные действия. Полковник же любил, чтобы все шло гладко, и основной своей обязанностью считал появление в парадном мундире на торжествах в честь дня рождения короля – не более того. При этом Мерд не был тупым болваном, нет, просто он расценивал должность как ступеньку в лестнице на пути к достойному положению в обществе. Де Грилл давно точил зуб на этого высокопоставленного бездельника, собираясь в красках описать королю, как этот карьерист губит службу стражников. Но полковника поддерживали некоторые лорды, которым он делал так называемые небольшие одолжения, и без большого шума такое дело нельзя было провернуть. К тому же у Птаха всегда находились более срочные и важные дела, занимавшие все его время.

Одним словом, Корд был до колик рад убраться из башни стражи королевского квартала до того, как ее посетит Мерд. Поэтому он выслушал сбивчивые наставления капитана Горана, которого, как и обещал Де Грилл, назначили главным следователем по делу Летто, забрал официальное предписание о содействии страже и отправился исследовать место преступления. Капитану хотелось спать, есть, побриться и искупаться, но он прекрасно понимал, что советник короля прав и время сейчас работает против них.

Добравшись до ворот особняка Броков, капитан оглянулся, обозревая свое войско. Лейтенанта Легерро он давно приметил – сын провинциального тана оказался на редкость сообразительным для своих двадцати лет и успешно поднимался по служебной лестнице – благодаря своим способностям, а не протекции. Корду уже доводилось с ним работать, и он сделал себе пометку, что парень способен на серьезные дела и в трудной ситуации у него хватает решимости изложить свои соображения. Сержант Тран, наоборот, страдал, на взгляд Демистона, недостатком воображения и отсутствием всяких понятий о логике. Зато этот широкоплечий крепыш лет тридцати обладал другими достоинствами – он вышел родом из самых злочных районов Рива и знал город как свои пять пальцев. Он всегда мог сказать, где проводят петушинные бои, а где варят дурное зелье и кто из грабителей нынче устроил заварушку в пивной у южных ворот. Многих преступников он знал в лицо. Кроме того, его крепкие кулаки могли выбить дурь из любого буяна, и Демистон предпочитал, чтобы именно сержант прикрывал его тыл. Легерро хорош в разговорах, а Тран – в жестокой схватке. Именно поэтому Корд захватил с собой обоих, официально приписав их к расследованию. Кроме них, у капитана имелась на примете еще парочка достойных ребят, но сейчас, к сожалению, они давно сменились и отдыхали дома, а времени их разыскивать не было.

Произведя смотр маленького войска, Корд удовлетворенно кивнул. Лейтенант, облаченный в мундир городской стражи – синее с золотом, – выглядел как новехонькая игрушка и просто был обязан производить положительное впечатление. Сержант, в своем потрепанном мундире, выглядел ветераном сражений, а не просто сыскарем, который любит совать длинный нос в чужие дела. Корд, облаченный в штатское, взял на себя именно роль шпики и полагал, что справится с любыми неприятностями. В том смысле, что его длинный нос будет очень трудно прищемить.

При свете дня особняк Броков выглядел не так загадочно, как ночью. Высокий забор из кованых решеток, украшенных витиеватыми узорами застывшего металла, огораживал большой парк, раскинувшийся перед особняком. Длинные дорожки, аккуратно подстриженные кусты, пустые скамейки – все это было доступно взгляду днем. У особняка начинался сад фруктовых деревьев. Корд знал, что за особняком он смешивается с остатками леса и спускается вниз, к берегу Рива.

Широкая дорога, посыпанная гравием, вела напрямую через парк от ворот к крыльцу особняка, построенного из белого камня. Невысокое здание в два этажа было вытянуто в длину и напоминало буханку хлеба, поставленную набок. Покойный граф Брок не испытывал тяги к модной архитектуре и построил свой дом по образу военного укрепления – просто и надежно. Огромное крыльцо из белого мрамора и белые башенки на крыше были возведены позже, уже вдовой графа, стремящейся хоть как-то сгладить казенные черты дома, ставшего местом встречи всех городских модников. Удивительным образом ей это удалось, и теперь особняк напоминал крохотный замок, все еще способный выдержать осаду, но уже превращенный из военного укрепления в жилище.

Привратник возник у ворот неожиданно, словно вынырнув из-под земли. Солидный служивый с шикарными усами – отставной военный, как по выправке определил Корд, – был облачен в темно-зеленый с золотым шитьем камзол. Он отомкнул решетчатую калитку и распахнул ее перед гостями, чьи мундиры не оставляли сомнения в цели визита.

– Как прикажете доложить? – осторожно осведомился он.

– Капитан городской стражи Демистон, – представился Корд. – Ведется расследование причин смерти Лавена Летто, найденного мертвым в саду Броков нынче ночью.

– Прошу за мной, – отозвался привратник. – Госпожа предупреждала, что вы вернетесь, и ожидает вас с самого утра.

Капитан без лишних слов провел свое крохотное войско в парк. Привратник запер калитку и возглавил процессию, направившуюся к крыльцу особняка.

Весь путь до дома они проделали в полном молчании. Корд с интересом рассматривал хитросплетение дорожек сада, привычно отмечая места, пригодные для засады. Лейтенант сосредоточенно сопел в затылок начальству, а сержант, замыкающий отряд, настороженно озирался по сторонам, словно ожидая нападения.

На крыльце привратник распахнул перед ними широкие двери из светлого дуба, украшенные мозаикой цветного стекла, и отошел в сторону, приглашая гостей войти. Демистон вошел первым и, ступив на красную коверную дорожку холла, едва не столкнулся с долговязым субъектом в черном костюме.

– Капитан Демистон, – воскликнул тот, судорожно заламывая тонкие руки. – Добрый день, капитан!

Корд окинул его долгим взглядом, припоминая, что ночью он уже видел этого типа в следах и соплях мечущегося по саду. Вот только кто таков этот доходяга, больше напоминающий растрепанную барышню, не помнил.

– Тизел, управляющий, – представился тот, верно истолковав взгляд стражника. – Графиня вас ждет. Прикажете проводить?

– Это подождет, – сдержанно отозвался капитан. – Легерро, Тран...

Стражники сделали шаг вперед, взяв растерянного управляющего в клещи. Тот встревоженно завертел головой, пытаясь понять причину внезапного внимания к его персоне.

– Это лейтенант Легерро и сержант Тран, – представил подчиненных Корд. – Проследите, чтобы им было оказано содействие в расследовании.

– Конечно, – отозвался управляющий, – но...

– Сержант, – позвал капитан. – Отправляйтесь к слугам. Опросите всех и постарайтесь определить, кто где находился к моменту гибели Летто. Также заставьте их вспомнить, где и когда они видели Лавена живым в последний раз. И особо – кто из гостей находился рядом с покойным. Лейтенант, отправляйтесь на место гибели Летто и постарайтесь по следам восстановить картину происшедшего. Я понимаю, что там побывало слишком много людей и нужных следов осталось немного. Но все-таки постарайтесь.

Обернувшись, Корд пронзил управляющего одним из своих самых холодных взглядов.

– Попрошу содействовать, – со значением проронил он.

– Да, да, конечно, – выдохнул тот, – но графиня...

– Думаю, графиня не будет возражать, – отрезал капитан. – Пока мои подчиненные занимаются расследованием, я ее навещу сам.

– Безусловно, – уныло отозвался управляющий. – Димид!

Привратник, ждавший на крыльце, ступил под своды особняка.

– Отведи господ стражников к Патри и проследи, чтобы им предоставили все необходимое для расследования. После возвращайся к воротам.

Привратник взмахнул рукой, приглашая стражников следовать за собой, и повел их в коридор, уходящий в правое крыло особняка.

– А вы, капитан, извольте следовать за мной, – сказал управляющий, окидывая пристальным взглядом оставшегося визитера.

Под этим взглядом, в котором сквозило пренебрежение пополам с осуждением, Корд остро почувствовал, что давно не брит, одежда измята, а отросшие волосы стоят дыбом. Представив, что его ждет графиня Брок, известная ценительница прекрасного, он только сейчас сообразил, что нужно было хоть немного привести себя в порядок перед визитом к ней. Но он так спешил убраться из башни стражи до визита полковника, что не успел даже расчесаться...

– Прошу за мной, – сухо повторил управляющий, поворачиваясь к лестнице.

Поднимаясь по мраморным ступеням, прикрытым красным полотнищем дорожки, Корд старался отрешиться от мыслей о своем внешнем виде. Плевать на то, как он выглядит. В конце концов, он ведет расследование, а не собирается на свидание с прекрасной дамой... И все же он вынужден был признать, что чувствовал бы себя намного лучше, если бы успел причесаться и пройти бритвой по щетине.

Едва переступив порог гостиной, щедро уставленной крохотными диванчиками, пуфиками и столиками с витиеватыми подсвечниками, Корд замер. В центре комнаты царила хозяйка дома, притягивая взгляд, затмевая собой все окружение. Капитан, пораженный, застыл на пороге комнаты, не в силах отвести взгляд от графини Брок.

Она сидела на широком диване с высокой изогнутой спинкой. Сидела по-мужски, нога на ногу, и широкие волны жемчужно-белого платья спадали с колен на пол, подобно водопаду. В руках графиня держала белый веер, но он был сложен и ничуть не скрывал великолепный лиф, украшенный изящными кружевами. Откровенное декольте открывало такую завораживающую картину, что взгляд невольно останавливался на ней, прежде чем скользнуть вверх. Чтобы взглянуть в лицо графине, капитану пришлось сделать над собой усилие, достойное одного из его прошлых воинских подвигов.

Острый изящный подбородок, узкие скулы, нос чуть великоват, но только чуть, пухлые алые губы... Графиню можно было бы назвать просто милой дамой, если бы не большие зеленые глаза. Широко распахнутые, чуть удивленные, они завораживали, брали в плен и звали к себе. В них светился ум – озорной и живой, способный доставить множество неприятностей тому, кто осмелится огорчить это волшебное создание. Черный водопад волос лишь усиливал очарование белоснежного лица, оттеняя узкие черные брови и пушистые ресницы.

– Капитан? – спросила графиня.

Корд вздрогнул, пытаясь вернуться на землю, и склонился в четком воинском поклоне.

– Капитан Корд Демистон к вашим услугам, сударыня, – выдохнул он, выпрямляясь.

Графиня с треском раскрыла веер, прикрывая изящный лиф, и благосклонно кивнула. Капитан, все еще пребывая в замешательстве, чеканным военным шагом прошествовал к дивану. Эветта протянула ему тонкую руку, и капитан склонился над ней, согнувшись едва ли не пополам. Он осторожно поцеловал воздух над костяшками пальцев, даже не думая прикоснуться к восхитительно гладкой коже, и был вознагражден волной сладкого аромата духов, в мгновение ока опьянившего не хуже вина.

Выпрямляясь, Корд едва не застонал. Мелкое сожаление о том, что он не успел привести себя в порядок, теперь казалось таким пустяком по сравнению с отвращением к самому себе, которое сейчас испытывал капитан.

Взглянув на графиню сверху вниз, Корд встретил откровенно оценивающий взгляд зеленых глаз. Так мог смотреть на свою жертву хищник, решая, стоит ли возиться с этой мелочью или лучше побережь силы для более крупной дичи. В зеленых глазах читался неприкрытый интерес и капля, всего лишь капля обещания, от которого по спине капитана пробежали мурашки. Перед ним сидела настоящая хищница. Не девица на выданье, хихикающая над рассказами старших сестер, не издерганная детьми женоушка, не веселая вдовица, готовая пуститься во все тяжкие, перед тем как навсегда увянуть... Перед ним сидела зрелая женщина, которой одновременно и уже, и всего лишь – около тридцати. Исполненная настоящей женской силы, превосходно знающая, чего она хочет от жизни. Более того, она уже это получила. Или получит. Скоро. Возможно, прямо сейчас, если на это будет ее воля. Капитан сглотнул, невольно расправляя плечи и упираясь ногами в пол, словно тот превратился в качающуюся палубу. Эветта Брок напомнила капитану море: коварное, опасное – и бесконечно прекрасное. Зеленые глаза были так похожи на волны далекого южного моря, что в капитане на мгновение вновь воскрес Кейор Черный, готовый залить кровью всю палубу захваченного корабля, лишь бы заслужить еще один взгляд этих зеленых глаз.

– Ну что, капитан, вы его уже арестовали? – спросила Эветта.

– А? – переспросил Кейор, пытаясь вернуться к роли капитана городской стражи. – Кого?

– Младшего Верони, разумеется, – сухо ответила графиня, лишь одним взглядом дав понять, что ожидала от умственных способностей гостя много большего.

– Почему вы думаете, что Верони должен быть арестован? – осторожно осведомился Корд, приходя в себя от неожиданной атаки.

– Мальчишки давно собирались подрасть, это знали все, – ответила Эветта, пожав хрупкими плечами. – Можно предположить, что если один из них мертв, то второго непременно задержат для допроса. Разве вы не знали, что они в ссоре? Вы вообще побеседовали с Верони или дали ему возможность сбежать?

– Расследование ведут несколько групп, – осторожно ответил капитан, не желая раскрывать свои планы и подозрения. – Сударыня, моя задача – расспросить вас о событиях этой злосчастной ночи.

– А чем занимаются ваши люди? – перебила Эветта.

– Мои люди занимаются своими делами, – отрезал Корд, окончательно возвращаясь в шкуру стражника. – Поэтому будьте любезны, графиня, расскажите мне, что произошло вчера ночью в вашем чудесном саду.

Эветта осмотрела капитана с головы до пят, словно решая, достоин ли этот болван времени, которое на него собираются потратить. Демистон почувствовал, что у него горят уши – забытое ощущение детства. Сейчас он отчаянно жалел, что не встретился с графиней ночью. Патрульных выставил из сада управляющий – да, тот самый женоподобный тип, – а Корд слишком торопился к Де Гриллу, чтобы устроить настоящий допрос. Если бы он увидел графиню тогда, ночью, то не стоял бы сейчас перед ней в мятой одежде, небритый, в грязных сапогах...

– Прием прошел в целом без происшествий, – задумчиво проговорила Эветта, сжалившись наконец над капитаном. – Все было как обычно. Угощение. Танцы. Несколько мелких интрижек... Ничего интересного для вас, капитан.

– И все же, ближе к утру случилось нечто очень интересное для меня, – сухо отозвался Корд. – Вряд ли это можно назвать «без происшествий».

– Я говорю о том, что было до того, как нашли несчастного Лавена, – отрезала графиня.

– Понимаю. Но как себя вели Летто и Верони? Они общались во время приема? Не случилось ли между ними ссоры?

– Нет. Никаких ссор. Мальчишки были в разных углах, каждый со своими друзьями. Они лишь обменивались грозными взглядами и смешно надувались, словно молодые петушки перед дракой.

– Очень смешно, – сухо заметил Корд.

– Бедный Лавен, – вздохнула Эветта. – Не нужно было их приглашать. Но кто мог подумать...

– Так они не встречались друг с другом? – переспросил Демистон, памятуя о рассказе Де Грилла. – Совсем?

– Ну, – протянула Эветта, похлопывая по руке веером, – не совсем. Ближе к полуночи я заметила, что ни Лавена, ни Фарела нет в зале. Тогда я попросила Ленни, свою служанку, их найти, но она сказала, что видела, как юнцы вместе отправились к реке. А следом за ними помчался этот мрачный тип...

– Мрачный тип? – удивился Корд, всегда полагавший, что по части мрачности его еще никому не удавалось перешеголять.

– Этот новенький секретарь Птаха, – пояснила графиня. – Тот, что подпирает стены на каждом моем приеме, уж не знаю, почему. По его виду не скажешь, что наши маленькие развлечения доставляют ему удовольствие. Судя по его одежде и выражению лица, он уютнее всего чувствовал бы себя на конюшне.

– А, – сдержанно отозвался капитан, от всей души надеясь, что о нем графиня не станет судить по одежде и выражению лица. – Я знаю, о ком идет речь. Что же было дальше?

– Я позвала Ками Тизела, моего управляющего, велела ему немедленно найти Фарела с Лавеном и привести их обратно. Я собиралась хорошенько отругать этих двоих оборотов, но...

– Но? – подбодрил графиню Корд, борясь с желанием опуститься на колени и устроиться у ее ног.

– Ками быстро вернулся и сказал, что мальчишки пришли сами и все в порядке. Я вышла на крыльцо, ведущее в сад, и увидела их. Лавен и Фарел стояли на дорожке и довольно мило беседовали.

– Они выглядели... помирившимися? – спросил Корд.

– О да, – Эветта кивнула. – Это меня успокоило, и я возвратилась к гостям. Ребята выглядели очень довольными и возбужденными, и такими дружными, словно они только что вместе провернули веселую шутку. Кстати, этот мрачный подручный Де Грилла вскоре объявился в зале и тут же сбежал, даже не попрощавшись со мной. Впрочем, я не удивилась. Этот мужлан, уж не знаю за что получивший титул графа, выглядел довольно помятым, словно его валяли по земле. Боюсь, мальчишки объединились и зло подшутили над ним.

Демистон выдавил из себя мрачную улыбку – он прекрасно представлял, чем могла закончиться для молодых лоботрясов попытка подшутить над Сигмоном. И вновь порадовался за молодого графа, одержавшего очередную победу над зверем в себе.

– О! – вдруг выдохнула графиня и прикрыла губы веером. – Вот, значит, как...

– Что? – слабо осведомился Корд, утопая в зелени ее округлившихся глаз.

– Каков хитрец! А я приняла его за очередного болванчика...

– Кого? – раздраженно переспросил капитан, не успевая за полетом мысли Эветты.

– Да этого типа! – графиня одарила Корда негодующим взглядом. – Капитан, вы что, не понимаете? Этот тип, подручный тайного советника короля, в последнее время стал часто появляться на моих приемах, хотя явно не испытывал от этого удовольствия. Как я теперь понимаю, он появлялся только тогда, когда приходили Лавен и Фарел. А потом, когда наши петушки удаляются, чтобы повыдергать друг другу перышки, он тут же бежит следом. И через десять минут непримиримые враги дружески беседуют, а наш загадочный подручный испаряется. Похоже, он выполнил свое задание. О! Я очень хочу знать, как ему это удалось.

– Чудесно, – искренне восхитился капитан.

– Как там его зовут? Ла...

– Сигмон Ла Тойя, – подсказал Демистон, радуясь, что может хоть чем-то угодить графине.

– Спасибо, капитан, – Эветта одарила Корда улыбкой, от которой его сердце пустилось в пляс. – Надо будет повнимательней присмотреться к этому пареньку. Теперь мне кажется, что титул ему был пожалован не за заслуги предков.

Внезапно глаза графини сузились, и в них мелькнули искры подозрения.

– Вы, – сказала она и ткнула веером в собеседника, – не удивлены. Вы знали об этом происшествии еще до того, как спросили меня.

– Ну... – неопределенно отозвался капитан, пожимая плечами.

– И вы не арестовали Верони. Значит, вы полагаете, что Лавен и Фарел действительно помирились. А это, в свою очередь, означает, что вы подозреваете в убийстве кого-то другого.

– Мы рассматриваем разные варианты происшедшего, – дипломатично произнес капитан, пытаясь отделаться от мысли, что глаза графини способны заглянуть внутрь его головы. – Именно поэтому мы опрашиваем всех. Чтобы установить истину.

– Так-так, – со значением произнесла Эветта, похлопывая сложенным веером по ладони. – А дело-то принимает совсем другой оборот, капитан.

– Давайте вернемся к событиям этой ночи, – быстро отозвался Корд, боясь даже представить, что с ним сделает Де Грилл, если эта шустрая дамочка раззвонит о своих предположениях всей столице.

– Но теперь...

– Позвольте, графиня, – перебил Корд. – Я подведу итог. По вашим словам получается, что вы оставили Летто и Верони наедине, а через несколько часов Лавен был найден мертвым. Так?

– Да, – тихо ответила Эветта и нахмурилась. – Именно так. Не стоило мне оставлять их одних.

– Что случилось за эти несколько часов? Что они делали? Быть может, кто-то из ваших слуг или гостей видел их?

– Я их не видела больше, – тихо произнесла Эветта, рассматривая кончик веера. – И, мне кажется, их действительно больше не видели на приеме. До того самого момента, как эта дура Франциска влетела в зал с отчаянным воплем... К счастью, большинство гостей уже разошлись. Я сразу послала слугу в дом Летто, а сама пошла посмотреть... Потом мне стало немного дурно, и я, кажется, пропустила визит патрульных. Всем занимался Ками. Он до сих пор сам не свой.

– Может быть, стоит расспросить его о том, что произошло? – предложил капитан.

– Да, – вскинулась Эветта. – В самом деле! Сейчас же...

– Нет, – запротестовал Корд, – я имел в виду, можно ли мне его допросить. С вашего позволения, разумеется.

– Вот сейчас и допросим, – довольно улыбнулась графиня, демонстрируя гостю остренькие жемчужные зубки. – Вместе. Мне вдруг стало очень интересно, что же на самом деле произошло в моем чудесном саду. Кажется, я упустила из вида нечто важное.

Графиня взяла с маленького столика колокольчик и позвонила. Корд сжал зубы, борясь с желанием немедленно сбежать от цепкой вдовицы, по дороге прихватить управляющего особняком и расспросить его в тихой и спокойной атмосфере. Например, в подвале башни стражи. Или в подвалах службы королевского дознавателя.

Управляющий появился в дверях словно по мановению волшебной палочки, откликнувшись на зов хозяйки настолько быстро, что капитан заподозрил его в подслушивании за дверью.

– Госпожа?

Графиня поманила его пальцем, и Ками послушно поплелся к дивану. Он встал чуть в стороне от хозяйки, так чтобы не нависать над ней, и склонил голову, ожидая, видимо, нагоняя. Только сейчас Корд заметил, что управляющий уже в годах. Лет ему было за сорок, но чистое и ухоженное лицо, на котором, казалось, никогда не росла борода, делало Ками моложе лет на десять. Выдавала его только длинная, будто у гусака, шея, а вернее – морщины на ней. Да и в уголках бегающих глаз морщинки тоже проявили себя. Долговязый и нескладный, с хрупкими женскими руками, Ками производил впечатление внезапно постаревшего подростка. Черная шевелюра порядком поредела, но была тщательно напояжена и расчесана, создавая видимость изящной прически.

– Ками, – сказала Эветта, – Расскажи, что произошло после того, как я удалилась в свои покои сегодня ночью.

– Госпожа, – управляющий стрельнул взглядом в сторону капитана и нервно скомкал манжеты, – ничего особенного не происходило. Все так суежились и бежали...

– Когда прибыли слуги Летто? – перебил Демистон, решив, что расспросы не стоит пускать на самотек.

– Они появились через пару минут после того, как госпожа ушла к себе, – охотно ответил Ками.

– Так быстро? – удивился Корд. – Но ведь особняк Летто довольно далеко отсюда.

– Они ожидали господина Лавена снаружи, недалеко от ворот, – пояснил Ками.

Демистон удивленно приподнял бровь, и в разговор тотчас вмешалась графиня.

– Слуги часто дожидаются моих гостей, – сказала он. – Потому что некоторых... некоторых приходится отвозить домой.

– Ах, вот как, – Корд кивнул. – Понимаю. Так они и забрали тело?

– Да, сразу и забрали. Я не знал, что делать, не думал, что их нужно остановить, но я и подумать не мог, что это так важно для стражи...

– Успокойся, – бросила Эветта. – Ты все сделал верно. Расскажи, что было потом.

– Потом мне пришлось успокаивать Риту и Франциску. Затем выпроводить оставшихся гостей. А чуть позже появилась стража...

– Кто ее вызвал? – перебил Корд.

– Даже не знаю, – признался управляющий. – Кто-то выскочил на площадь, увидел проходящих стражников и позвал в особняк. Кажется, это был Димид, наш привратник, но я не уверен. В доме поднялась такая страшная суматоха, все смешалось...

– Хорошо, – буркнул Корд. – Дальше?

– Мы провели стражников в сад, и пока они рассматривали дорожку, появились вы, капитан. Собственно, все.

– Да, что было дальше, я знаю, – произнес Корд, покусывая губу. – Скажите, управляющий, вы не заметили на приеме незнакомых или подозрительных лиц?

– Подозрительных? – смешался Ками. – Вроде бы нет.

– Нахлебники? – быстро спросила Эветта.

– Кто-кто? – с удивлением переспросил капитан.

– На каждый прием пытаются пробраться те, кого не приглашали, – пояснила графиня. – Таких мы и называем нахлебниками. Это могут быть и знакомые гостей, и даже их слуги.

– В этот раз никого не было, – отозвался Ками. – Хотя...

– Что? – жадно спросил капитан.

– Был один тип, которого я не видел раньше. Но я заметил, как он беседовал с господином Верони, и подумал, что это его новый слуга.

– Вот как? – холодно осведомилась графиня. – Ты подумал?

Ее тон не сулил ничего хорошего разявье управляющему. Тот прекрасно это понял и тут же заюлил:

– Мне показалось неловким вмешиваться в их разговор. И если господин Фарел беседовал с этим человеком, то уж он наверняка его знал. А слуги у Верони так часто меняются...

– Как он выглядел? – спросил Демистон, внутренне подобравшись.

– Невысокий. В черном плаще и широкополой шляпе, – послушно отозвался управляющий, радуясь возможности увести разговор в сторону. – Лицо... Простое такое. Незапоминающееся. Да его и не видно толком из-под черной шляпы. Одежда неновая, ношенная, какая может быть у любого забулдыги из веселого квартала. Собственно, поэтому я и подумал, что это слуга. Но теперь я понимаю, что это не так.

– Почему?! – выпалил Корд.

– У Верони даже слуги не позволяют себе носить такую безвкусную и старую одежду, – с достоинством отозвался Ками.

– Понятно, – сухо отозвался Корд. – Госпожа графиня, кажется, мне пора оставить вас. Благодарю за чудесную беседу и неоценимую помощь следствию.

– Подождите! – воскликнула графиня. – Куда это вы собрались, капитан?

– Долг службы, – вежливо отозвался Корд, не собираясь рассказывать ей о том, что теперь пришла пора навестить особняк Верони.

– Ками, ступай за нашими гостями, – распорядилась Эветта, – проводи их к воротам. Капитан скоро подойдет.

Ками поклонился – как показалось Демистону – со вздохом облегчения и выскользнул из гостиной.

– Прошу прощения, сударыня, но мне пора, – решительно выдохнул Корд, стараясь смотреть на спинку дивана, чтобы снова не попасться в ловушку зеленых глаз.

– Очень жаль, капитан, – отозвалась графиня. – А мне бы хотелось еще немного поговорить с вами. Похоже, в вас скрыто много тайн и загадок, капитан Демистон.

– Вы льстите мне, сударыня, – смущенно отозвался Корд. – Я простой солдат, исполняющий свой долг. Прошу прощения, что потревожил вас, и заранее приношу свои извинения, если мне вдруг придется снова это сделать...

– Не извиняйтесь, капитан, – томно выдохнула Эветта. – Даю вам свое разрешение еще раз потревожить меня. Только тогда настанет мой черед расспрашивать вас.

– Меня? – удивленно переспросил Корд, невольно взглянув на графиню и таки попадаясь в ловушку пушистых ресниц. – О чем?

– Конечно, о вас самом! – воскликнула графиня, одаряя гостя лукавым взглядом. – О вас рассказывают интересные истории... Правда ли, к примеру, что в молодости вы были самым настоящим пиратом?

Корд мгновенно очнулся от сладкой дремы, навеванной зеленоглазой очаровательницей, и выпрямился – словно штырь проглотил. Вот как – его прошлое, похоже, больше не является тайной для столицы. Плохо. Этого не должно было случиться.

– Корабль, – мурлыкнула графиня, – морские волны, палуба, пахнувшая стружкой... Ветер в лицо и паруса на горизонте... Мне кажется, вам есть о чем рассказать, Демистон.

Графиня снова взмахнула ресницами, посылая гостю очаровательный взгляд. Но на этот раз он бессильно разбился о сталь в глазах пирата Кейора, почуявшего опасность.

– Прошу прощения, госпожа графиня, – сухо проговорил он. – Мне и в самом деле пора. Позвольте откланяться.

Он поклонился и, не дожидаясь позволения уйти, направился к двери, бесцеремонно оборвав разговор.

– Постойте! – торопливо воскликнула Эветта. – Подождите, капитан!

Корд остановился и с великой неохотой обернулся. Графиня, оказывается, вскочила с дивана и теперь стояла, протягивая руку к гостю, словно пытаясь удержать его. Выглядела она встревоженной и расстроенной, словно не понимая, где ее оружие дало осечку.

– Подождите, капитан, – повторила она, опуская руку. – Мне жаль, если я чем-то обидела вас. Простите.

– Пустяки, – буркнул Корд и только после этого сообразил, что еще никогда перед ним не извинялись графини.

Смешавшись, он вновь поклонился, не решаясь сказать что-то еще, чтобы окончательно не испортить отношения с этой, без сомнения, опасной женщиной.

– Вы простили меня? – Эветта улыбнулась – теперь уже по-настоящему, скромно и мило, не пытаясь очаровать и взять в плен. – Мир?

– Конечно, графиня, – растерянно ответил капитан, который и не чувствовал себя обиженным. – И я, правда, очень благодарен вам за беседу.

– Тогда пообещайте мне, что придете на следующий мой прием, – потребовала Эветта. – И не вздумайте отказываться! Если уж у нас мир, то это будет условием мирного договора.

– Конечно, я приду, – согласился Корд, – вот только...

– Что? – с искренним беспокойством спросила Эветта.

Демистон проглотил едва не сорвавшуюся с языка фразу – вот только найду приличный костюм, в котором мне еще не довелось спать, – и откашлялся.

– Вот только разберусь с делами, – дипломатично закончил он.

– Понимаю, – графиня кивнула гостю. – Но если у вас в этот вечер не будет дел, пообещайте, что придете ко мне.

– Всенепременно, – с облегчением выдохнул Демистон. – Благодарю за приглашение, сударыня.

– Вот теперь можете идти, – разрешила Эветта, довольно улыбаясь, словно кошка, заполучившая в лапы воробья. – До скорой встречи, капитан.

Демистон еще раз поклонился и выскочил из гостиной, будто ошпаренный. Сбегая вниз по ступенькам лестницы, он думал о том, что больше ни за какие коврижки не появится в этом доме. Иначе... Иначе у него будет очень большой шанс получить пробоину ниже ватерлинии и затонуть – прямо здесь, на мраморном полу. И теперь ему оставалось лишь надеяться, что расследование убийства позволит забыть взгляд зеленых глаз. Хотя бы на время.

* * *

Гемел Сеговар, герцог Вентский, принимал гостей в светлой и просторной зале, тщательно убранной, освещенной утренним солнцем, пробивавшимся сквозь высокие стрельчатые окна. На столе, застеленном чистой скатертью, были только фрукты и вино. Светло и чисто – и никакого намека на тени, пыль, паутину... Они не заговорщики, которые прячутся по темным углам, они – спасители королевства и вершат свое благое дело при свете дня.

– Отчего такая спешка? – буркнул толстяк, сидящий по правую руку от хозяина дома.

Маленький, круглый человечек, прикрывавший вечно потную лысину париком из черного конского волоса, выглядел смешным. Но тот, кто посмеялся бы над ним в открытую, совершил бы непростительную ошибку. Лорд Мирам был одним из самых влиятельных людей столицы. Он владел едва ли не всеми доходными домами города, держал в руках изготовление спиртного и его продажу. Деньги давали ему такую власть, которую не мог обеспечить даже титул графа Ривского. Питейные дома, игорные заведения, мелкие лавки и кабаки, таверны и новомодные рестораны – вот сеть, которую граф Мирам держал в руках. Не в одиночку, нет. Он знал, с кем нужно делиться, а кого можно ободраť как липку. По его приказу из темных подвалов на свет могла подняться армия городских удалцов, следивших за тем, чтобы от их покровителя не утаивали прибыль. Мирам знал многих вожakov вольной братии. А некоторых принимал в своем особняке, больше похожем на дворец.

– Думаю, до вас дошли слухи о событиях прошедшей ночи, – сухо ответил Гемел. – Надо уточнить наши планы.

– Сколько можно, – буркнул полковник Мерд, сидящий напротив герцога и вяло пощипывающий виноградную гроздь. – Все давно решено.

Начальник городской стражи – широкоплечий здоровяк с копной светлых, чуть вьющихся волос, был одним из первых, с кем Гемел обсудил свои планы. Честолюбивый, считающий себя обделенным – он как нельзя лучше подходил для планов герцога. Городская стража – серьезная сила. В отсутствие военных только они держали город в железных рукавицах из мечей и копий. Им будет поручено подавить бунт. Они могут беспрепятственно получить оружие из арсеналов. И направить его в сторону... тех, кого им укажут. В сторону, например, изменников, что попытаются захватить власть в королевстве. Армия, конечно, справится с ними, у кого в кулаке армия, у того и власть, но для военных у герцога были особые планы.

– Ничего не слышал, – отозвался Мирам, мрачно рассматривая бокал красного вина. – Прямо с постели – сюда. Что на этот раз стряслось?

– Младший Летто мертв, – произнес Гемел. – Предположительно, заколот на дуэли Фарелом Верони.

– А, – бросил полковник Мерд. – Да. Старший Летто уже присылал ко мне нарочного с письмом. Кажется, наш дорогой лорд собирается поднять на ноги всех королевских дознавателей.

– Вот дрянь! – граф Мирам дернул рукой, расплескав вино по столу. – Как не вовремя!

– Наоборот, – возразил Гемел. – Вы, граф, в прошлый раз интересовались, что же заронит искру, из которой разгорится все очищающее пламя. Вражда двух лордов породит такой пучок искр, что вся столица запылает в единый миг. Нам останется только незаметно раздуть это пламя.

– Летто и Верони? – задумчиво протянул граф, рассматривая алое пятно на белоснежной скатерти. – Да, пожалуй, может получиться. Только если наш королек не повесит завтра же младшего Верони, чтобы успокоить этого борова Летто.

– Тогда у нас останется уголек в сердце Верони, а он не из тех, кто прощает обиды, – ответил герцог, так и не прикоснувшийся ни к еде, ни к питью. – Но этого не случится. Доказательств вины Верони нет, а остальным займется наш любезный полковник.

– Да, дело темное, – отозвался Мерд, хмуря брови. – Доказать виновность Фарела будет нелегко. А без весомых свидетельств король не посмеет арестовать и казнить одного из членов семьи лорда. Совет встанет на дыбы.

– И тогда мы получим новую вспышку искр, и город также запылает, – заметил Гемел.

– Ловко, – одобрил Мирам. – Куда ни кинь, всюду клин. Но проклятый Птах наверняка попытается что-то предпринять. Его вездесущие птицы наверняка уже кружат над городом...

– Насчет птиц не стоит волноваться, – отрезал герцог. – У нас есть защита от его проклятой магии.

– Мы это уже слышали, – буркнул полковник. – Но пока...

– И пока мы все здоровы и на свободе, – перебил Гемел. – И оставим эту тему. Забудьте про Птаха. Это моя забота. Думайте о том, как затянуть расследование, чтобы Верони и Летто вцепились в глотки друг другу. Пусть король и Птах займутся этой бедой, пытаюсь предотвратить бунт накануне свадьбы. А мы тем временем получим больше пространства для наших маневров.

– Король может призвать военных, – произнес Мирам. – И не этих столичных франтов, а тертых вояк из соседних гарнизонов. Нужны ли нам войска в столице?

– Нужны, – твердо ответил герцог. – Я позабочусь, чтобы в столицу отправились те отряды, чьи командиры верны нам. Король сам призовет свою погибель. Никто не заподозрит,

что войска движутся к Риву совсем не для защиты короля от бунта. У Геора не будет времени что-то предпринять в ответ, когда он поймет, что происходит на самом деле.

– А Птах? – вскинулся полковник. – Он может спустить с цепи свое ручное чудовище, этого проклятушего зверя, что так ловко прячется под маской гонца!

– Чудовище сейчас уже далеко от столицы, – отозвался Гемел. – Возникло срочное дело, потребовавшее его вмешательства.

– Но он вернется, – Мерд взмахнул рукой. – Фаомар с этим детищем превзошел сам себя! Это проклятое чудовище всегда возвращается!

– Тогда может появиться еще одно срочное задание, и его снова отошлют из столицы, – герцог вскинул сухую руку. – Достаточно. Не беспокойтесь о нем.

– Вижу, Гемел, вы позаботились обо всем, – произнес граф Мирам, наполняя себе очередной бокал вина. – Почему мы не знали об этом раньше?

– Каждый выполняет свою часть плана, – отозвался герцог. – Каждый знает то, что нужно знать. Теперь вы, надеюсь, не жалеете о том, что сегодня пришлось так рано встать?

– Не жалею, – буркнул Мирам. – Но зато все время думаю о том, чего же еще я не знаю...

– Очень многого, – отрубил Гемел. – Но вам же от этого только лучше. Знать много тайн опасно.

– Согласен, – вздохнул граф, пригубив вино. – Меньше знаешь, крепче спишь.

– Постойте, – сказал полковник, крутивший в руках пустой бокал. – Я уже ожидаю от королевских дознавателей разрешение на допрос Фарела Верони. Полагаю, как только мы допросим юнца, все откроется, и тогда ни Верони, ни Летто не в чем будет упрекнуть короля! Сразу говорю, допрос будет вестись по всем правилам, и за ним станут наблюдать дознаватели. Здесь я бессилен.

– Не волнуйтесь, полковник, – тихо произнес герцог. – Вам не придется допрашивать Фарела.

– Ха! Значит, у юнца хватило ума бежать! – обрадовался полковник. – Не так глуп этот пацан.

– Да, Фарел сейчас вне досягаемости, – отозвался Гемел. – И даже если бы вы его допрашивали, все еще больше бы запуталось.

– Как? Думаю, он просто признался бы в убийстве, тут и делу конец...

– Все не так просто, полковник. Впрочем, не думайте об этом, все уже сделано.

– Гемел, – тихо произнес Мирам, – вы нам постоянно говорите – не волнуйтесь об этом, не беспокойтесь о том, все уже сделано... Зачем же вы нас позвали? Благодарю за то, что приоткрыли нам некоторые стороны своего плана, но очень хотелось бы знать, о чем же именно нам следует беспокоиться?

Полковник Мерд подался вперед, поставил локти на стол и бесцеремонно принялся разглядывать Гемела Сеговара, словно тот был товаром на ярмарке.

– В самом деле, герцог, как это все повлияет на наши планы?

Гемел протянул руку над столом, взял бутылку и с неожиданной силой выдрал из нее пробку худыми старческими пальцами.

– Вот это нам и перестоит обсудить, господа, – сказал он. – Как все случившееся повлияет на ваши планы. В них нужно будет внести определенные изменения. Начнем с вас, полковник....

* * *

К тому времени как Демистон добрался до Башни Стражи, он успел прийти в себя и даже составить план дальнейших действий. Усилием воли он закопал взгляд зеленых глаз как можно глубже в недра памяти и сосредоточился на расследовании.

По дороге, чтобы не терять времени, он выслушал доклады Легерро и Трана и теперь приблизительно представлял себе картину происшедшего. Слуги Броков, впрочем, не рассказали ничего интересного – никто ничего не видел и не слышал. Но зато теперь у Демистона было описание таинственного чужого слуги, которого никто не видел раньше, и косвенная улика, размером с Королевский мост. Если еще недавно он сомневался – в своем ли уме Птах, поручивший ему искать загадочного убийцу, когда обстоятельства гибели одного из драчунов настолько очевидны, то теперь капитан восхищался проницательностью королевского советника. Или – его информированностью, что в данном случае практически одно и то же.

В самом деле, прием графини Брок – мероприятие шумное. Гости в танцевальном зале, гости в саду, парочки в кустах, бесчисленные слуги гостей и хозяев... Тут сложно остаться наедине. И тем не менее когда находят труп, обнаруживается, что никто ничего не видел и не слышал. Что думает об этом сержант Тран? Разумеется, что слуги ленивы, все как один идиоты, неспособные отыскать собственную задницу без подробной карты от королевского картографа. Они не разглядят убийцу, пока тот не пырнет их острым ножом. А что думает лейтенант? Он уверен, что слуги что-то видели, но умалчивают об этом, чтобы не свидетельствовать против Верони и тем самым не нажать высокопоставленного врага.

Мальчишка далеко пойдет, но на этот раз он не прав. То, что никто ничего не видел, свидетельствует вовсе не о заговоре молчания, а о том, что убийца туго знает свое дело и работает, не оставляя следов. Первокласный мастер. Профессионал. А значит, не имеет ни малейшего отношения к юному пустозвону Фарелу Верони, которого все уже записали в душегубы. Сигмон был прав – мальчишки действительно на время оставили свою вражду. И прав был Де Грилл – искать следует настоящего убийцу. Настоящего профессионала. Маленького неприметного человечка, чьего лица никто не запомнил, того, кто непонятно как попал в особняк Броков и непонятно как покинул его. Пират Кейор, убивший по заказу больше сотни душ и заработавший тем прозвище Черный Сотник, был абсолютно уверен – младший Верони не имеет никакого отношения к этому убийству. Теперь оставалось только доказать это.

В Башне Стражи капитана ждал сюрприз – два донесения от капитана Горана, также приступившего к расследованию. Бедняга успел побывать у королевского дознавателя и обсудить с ним жалобу старшего Летто, которую тот ни свет ни заря привез лично дознавателю – почтенному лорду Беккету. После чего Горан отправился к Летто, осмотрел убиенного Фарела, усмирив домашних Летто, готовых идти на приступ особняка Верони, и вновь вернулся к дознавателю – оформлять должным образом новые жалобы и показания участников дела. Также он надеялся получить от дознавателя указ об аресте Фарела, а пока отправил к особняку Верони наряд стражи – следить, чтобы подозреваемый не сбежал, и заодно охранять его от возможных попыток расправы.

Все это Горан подробно изложил в двух донесениях, присланных с гонцом из Зала Дознавателей и уже подшитых дотошным секретарем стражи в пока еще тонкий том дела об убийстве в особняке Броков. Демистон мысленно поблагодарил капитана – информация пришлась как нельзя кстати. Еще он отметил, что никаких поручений для него Горан не оставлял – не по чину ему командовать таким же капитаном, – но просил как можно скорее прислать донесение о результатах визита в особняк Броков и осмотра места происшествия.

Здесь Демистон задумался. Он не собирался писать никаких бумажек. И уж тем более делиться с Гораном соображениями насчет настоящего убийцы Лавена Летто. Но что-то нужно было предпринять – в конце концов, Птах велел делать вид, что Корд Демистон участвует в официальном расследовании, и потому отчет должен быть составлен по всей форме. Капитан представил, что сейчас сядет за стол, потратит полдня на абсолютно бессмысленную возню, и глухо зарычал. Время уже перевалило за полдень, а у него на руках по-прежнему только пустые подозрения.

Выход нашелся неожиданно быстро – Легерро спросил, куда ему пристроить свои рабочие записи осмотра места убийства, и был немедленно усажен за капитанский стол. Демистон, донельзя довольный собой, велел лейтенанту составить отчет о визите в особняк Броков и отослать его с вестовым капитану Горану. И Корд, и Легерро остались довольны друг другом – лейтенант углубился в изложение своих глубокомысленных рассуждений, а капитан отправился на первый этаж, в караулку. Там он вернул сержанта в объятия родной службы патруля, а сам выскочил на улицу. Торопился не зря – у входа еще мялся посыльный Горана, дожидаясь ответа на донесения. В нем капитана интересовало лишь одно – рыжая лошадка, оседланная, уже отдохнувшая и готовая к путешествию.

После недолгой, но весьма энергичной беседы с посыльным капитан вскочил в седло, на прощанье еще разок пригрозил вестовому карцером и бодрым аллюром отбыл в сторону Южного квартала – к особняку Верони. Ему страсть как хотелось пообщаться с Фарелом, который, судя по словам управляющего Броков, вел ночью беседу с неприметным человечком в черной шляпе. Демистон ожидал от этого разговора очень многого и был весьма доволен собой – его собственное расследование продвигалось как нельзя лучше. Для полного счастья не хватало лишь хорошего куска жареной ветчины в качестве обеда, но после недолгого раздумья Демистон запретил себе думать о еде. Он шел по горячему следу настоящего убийцы и не мог себе позволить потратить ни единой минуты. Даже на еду.

* * *

Особняк Верони располагался на другой стороне Рива, в квартале купцов, получившем прозвище Торговый добрую сотню лет назад. Когда-то давно здесь располагался огромный рынок, кормивший сотни продавцов всех мастей, явившихся в столицу, чтобы заработать несколько лишних монет. Но полсотни лет назад купцы, построившие дома прямо у торжища, потихоньку вытеснили шумные ряды на окраину – подальше от родных очагов, у которых уже появились многочисленные чада и домочадцы.

Дом Верони относился к числу новых, построенных не так давно. Дед нынешнего главы семейства сумел отличиться на торговом поприще, да настолько, что, будучи весьма обеспеченным, давал в долг крупные суммы самому монарху. И обратно требовать деньги не спешил, считая такие траты долговременным вложением. Процентов дождался его сын – получив от престола титул лорда, свидетельствующий об особых заслугах перед государством и позволяющий обладателю принимать участие в управлении страной. То есть ежемесячно навещать Королевский Совет Лордов и всласть драть глотку, обсуждая беды и заботы государства. По мысли монарха, учредившего сие странное звание, его влиятельные подданные, уже достаточно вкусившие от щедрот Ривастана – настолько, чтобы не гнаться за сиюминутной собственной выгодой, – должны были своим изворотливым умом способствовать развитию и процветанию родины. И в нужный час докладывать возникшие соображения Его Величеству, чтобы мудрый король выбрал наилучшие.

Однако дед Георгора Сеговара просчитался – лорды, все как один, в основном пеклись о собственных интересах и предлагали монарху издавать такие законы и указы, что у выдавших виды советников волосы вставали дыбом. Его Величество подобные предложения отправлял прямиком в королевский нужник, но Совет Лордов разгонять не спешил. Во-первых, некоторые здравые идеи у торговых воротил все-таки проскакивали, а во-вторых, получалось, что большинство влиятельных людей королевства на виду и тратят много сил и времени, чтобы хоть о чем-то договориться между собой. А это отвлекает их от других мыслей, возможно, более опасных, чем простое уменьшение пошлин на ввозимые пряности. Георгору Третьему в таком виде Совет Лордов достался, можно сказать, в наследство. Он не видел причин менять сложившийся порядок и порой даже жаловал званием лорда новых крупных землевладель-

цев, а то и торговцев скотом – просто чтобы позлить задравшую носы знать королевства и разбить уже сложившиеся союзы единомышленников в самом Совете. Джилан Верони, внук предусмотрительного основателя Дома Верони, получил титул лорда по наследству и в первую очередь отстроил новый особняк на берегу Рива, на самой границе Торгового квартала – как можно ближе к Королевскому. И все же бесконечно далекому от него.

Чтобы попасть в особняк, Корду пришлось миновать Малый Королевский мост, а потом свернуть налево. Здесь, у самого берега реки, за высоким каменным забором, высился особняк Верони – высокое каменное здание с флигелями и башенками, немного напоминавшее королевский замок. Совсем немного, чтобы не обидеть хозяина замка настоящего.

От широкой улицы, идущей от моста дальше сквозь квартал, к дому Верони спускалась дорога, мощенная гладким серым камнем – точно таким же, каким выложена Королевская площадь. Пожилая лошадка Корда, отобранная у вестового, без труда справилась с мокрыми камнями и резво спустилась вниз. У высоких деревянных ворот, перехваченных железными полосами, маялся от безделья патруль – пять стражников во главе с сержантом, в котором Корд еще издавна признал Титуса – любимчика Горана. Титус, здоровяк весьма внушительного вида, был, на взгляд Демистона, туповат, но зато исполнительен и не стеснялся пускать в ход кулаки, чтобы подкрепить требования закона. С неохотой Корд признал, что в сложившихся обстоятельствах Горан сделал верный выбор – ревностный служака Титус никого не выпустит из особняка. И не позволит никому проникнуть в него. Стражники маялись снаружи, и это довольно прозрачно намекало, что Верони далеко не в восторге от внимания хранителей спокойствия в городе. Уже спешиваясь, Корд чуть запоздало пожалел, что не надел форму – стражники знали его в лицо, а вот для разговора с семейством Верони официальный мундир капитана городской стражи пришелся бы весьма кстати.

Бдительный сержант первым узнал капитана, поприветствовал строго по уставу, но докладывать ничего не стал. Корд, прекрасно понимавший, что за время дежурства стражников под дверями особняка ничего и не произошло, не стал тратить время на расспросы. Без лишних слов он принялся стучать в окованную железом калитку в воротах. Открыли ему довольно быстро – видно, кто-то глазастый в особняке высмотрел незваного гостя издавна.

Статный привратник, выполняющий, судя по арсеналу на поясе, и работу охранника, не выглядел расположенным к разговорам. Поэтому капитан просто назвал, а потом ткнул в нос здоровяку развернутый лист с предписанием о содействии следствию с печатью и подписью королевского советника. Страж ворот молча, но с заметным сожалением пропустил капитана в особняк и запер калитку на огромный кованый засов.

Дворик перед особняком Верони донельзя напоминал Королевскую площадь в сильно уменьшенном масштабе. Вплоть до маленького фонтана в самом центре. Да и в крыльце капитан заметил знакомые очертания парадного входа в королевский дворец. А вот холл и внутреннее убранство коридоров ничуть не напоминали королевские покои – они были намного просторнее и украшены гораздо пышнее, словно в попытке перецеголять оригинал. Следуя за молчаливым привратником, Корд подумал, что если когда-нибудь Его Величество наведается в гости к Верони, то, возможно, особняк вскоре сменит владельцев.

В коридорах, стены которых украшали гобелены и расшитые золотой нитью занавеси, было темно и пусто, словно дом готовился отойти ко сну. Стараясь не отставать от длинноногого провожатого, капитан не забывал примечать дорогу – в этих лабиринтах не мудрено было заблудиться. И когда привратник остановился у двери из мореного дуба, украшенной тонкой резьбой, Корд испытал некоторое облегчение – пожалуй, случись что, он бы смог сам найти дорогу наружу.

– Вас ждут, – сухо сообщил ему привратник, указывая на дверь.

Демистон задумчиво пожевал губу, потом распахнул дверь и вошел в полумрак.

В кабинете, вдоль стен которого тянулись книжные шкафы, а окна были задернуты плотными шторами, было довольно темно. Свет давали лишь свечи в трезубом подсвечнике, что высился над широким письменным столом. Лорд Верони стоял рядом с креслом, сложив руки на груди. На нем был колет из серого бархата, свободный блузон из белоснежного шелка, узкие темные бриджи и блестящие черные туфли с серебряными пряжками. Длинные седые волосы были тщательно расчесаны и волнами спускались на широкие плечи. В отблесках свечей узкое худое лицо казалось нездорово бледным. Лорд и в самом деле ждал гостей, но капитан не тешил себя надеждой, что ждали именно его. Старший Верони, конечно, предполагал, что рано или поздно кто-то явится к нему с серьезным разговором и, судя по всему, подготовился к неприятной беседе.

Корд, разочарованный тем, что лорда не удалось застать врасплох, нахмурился, но все же поклонился, хотя служебный долг избавлял его от светских приветствий.

– Капитан городской стражи Королевского квартала Корд Демистон, – представился он, запуская руку за отворот камзола, – мои бумаги...

Джилан Верони небрежно шевельнул рукой, отметая ненужные условности.

– Что вас привело в мой дом, капитан? – спросил он, не сводя с гостя пристальный взгляд серых глаз.

– Расследование обстоятельств гибели Лавена Летто, – сдержанно отозвался капитан.

– Я слышал о гибели младшего Летто, – сухо произнес Верони. – И очень опечален этим чудовищным событием. Но какое отношение его гибель имеет к моему дому?

Корд окинул долгим взглядом фигуру лорда, застывшего у пустого стола. Тот, не дрогнув, выдержал взгляд капитана стражи, и Демистон понял, что с Верони, поднаторевшим в словесных баталиях на заседаниях Совета Лордов, можно фехтовать словами до самого утра. И совершенно безрезультатно.

– У вашего сына были счеты с Лавеном Летто, – напрямую заявил Корд, – не раз они при свидетелях грозили друг другу. Вчера на приеме в особняке Броков были оба. Один из них мертв, другой вернулся домой.

От капитана не укрылось, как Джилан дернул уголком рта, словно досадуя на глупость наследника. Демистон молчал, предоставляя лорду возможность сделать следующий ход.

– Чего же вы хотите, капитан? – мрачно осведомился Верони.

– Поговорить с вашим сыном, – отозвался Корд. – Всего лишь поговорить.

– Мой сын плохо себя чувствует, – быстро ответил лорд. – Сейчас неподходящее время для разговоров.

– А я настаиваю, – отрезал капитан.

– Нет. Фарел плохо себя...

– Если до него первыми доберутся Летто, он будет чувствовать себя намного хуже, – предупредил Корд.

Верони откинул голову, словно от удара, и в его серых глазах закипела ярость.

– Не забывайтесь, капитан, – бросил он. – Вы не на задворках Рива, а в доме Верони.

Демистон не отвел взгляда, лишь оскалился в кривой усмешке.

– Вы думаете, – сказал он, – что стражники у ваших ворот дежурят только для того, чтобы помешать удрать похмельному юнцу?

Джилан Верони нахмурился и отвел взгляд. Он не был глупцом и прекрасно понимал, что присутствие стражников избавило его от визита старшего Летто с компанией крепких молодых чиков с окраин столицы.

– Вы не понимаете, – проворчал он. – Вчера Фарел... немного перебрал. Он явился домой засветло, еле на ногах держался. И до сих пор... не в лучшей форме. С ним действительно сейчас трудно говорить.

– Ничего, – мягко ответил Корд, решив, что настало время уступить. – Я не собираюсь устраивать допрос. Мне нужно всего лишь спросить, что он видел в саду Броков, перед тем как покинул его. Это важно. И, возможно, это поможет вашему сыну.

– Не знаю, не знаю, – пробормотал лорд, раздраженно комкая кружевной манжет блузы. – Пара вопросов...

– В вашем присутствии, конечно, – подхватил капитан.

– И вы уйдете? – резко спросил Верони.

– Да, – пообещал капитан. – Я не буду ни допрашивать вашего сына, ни арестовывать его. Мне только нужно узнать, что он помнит о вчерашней ночи.

– Хорошо, – бросил лорд, поджав узкие губы. – Следуйте за мной.

Он сорвался с места и широким шагом пересек кабинет. Пройдя мимо капитана, он устремился в коридор, и Демистон, не ожидавший от лорда такой прыти, поспешил следом.

В коридоре Верони отмахнулся от привратника, дежурившего у дверей кабинета, и быстрым шагом вернулся в холл. Демистон старался не отставать. Он был доволен собой – беседа прошла как нельзя лучше. Если бы он начал настаивать, размахивая предписанием о сотрудничестве с властями – как, несомненно, поступил бы Горан, – он бы ничего не добился, кроме ледяного презрения. А теперь у него появился шанс узнать, с кем же беседовал Фарел в саду, что это за неприметный человек в черной шляпе. К счастью, Верони-старший очень недоволен поведением сына. Возможно, это даже поможет в разговоре с Фарелом: тот наверняка поостережется сердить отца – Джилан Верони, судя по всему, не из тех родителей, что потакают слабостям детей и видят в них дар небес.

Следуя за хозяином дома, Демистон поднялся по широкой мраморной лестнице с деревянными перилами на второй этаж. На площадке Верони свернул направо, в светлый коридор, и зашагал по надраенному паркету, выбивая из него звонкое эхо.

Покои Верони-младшего капитан опознал сразу: у широких дверей в конце коридора в растерянности стояли двое слуг – симпатичная служаночка в накрахмаленном до хруста переднике, сжимавшая в руках поднос с открытой бутылкой вина, и седой старикан в новехонькой форме, очень напоминавшей наряд дворцовых стражников. Вот только вместо королевского герба на рукаве камзола был вышит герб Верони.

– Что там?! – рявкнул Джилан, подходя к закрытым двустворчатым дверям, сияющим темным лаком.

– Все так же, милорд, – отозвался старик, сгибаясь в поклоне. – Заперто.

Лорд обернулся, ожег взглядом служанку, присевшую в книксене.

– Вон, – велел Верони и ткнул пальцем в бутылку: – Больше – ни капли.

Служанка тут же развернулась и засемила по коридору. Корд проводил ее взглядом – девица всей своей фигурой излучала невыразимое облегчение от того, что поле предстоящего боя отца с сыном осталось позади.

– Давно? – бросил Джилан старику, который уже успел выпрямиться.

– Я вышел, когда пробило десять на городской башне, – отозвался слуга. – Молодой лорд встал и заперся изнутри. С тех пор ни звука. Я ждал, как вы и приказали, милорд, но ничего не происходило, и мне не о чем было докладывать.

Верони нахмурился. Демистон заподозрил, что все это время лорд ломал голову над тем, как вытащить непутевого отпрыска из передраги, и не следил за временем. Еще бы. Он ожидал атаки и готовился отразить ее, отдавая приказание скромному гарнизону и заранее планируя возможные пути отступления. Верони-старшему пришлось сегодня потрудиться.

– Фарел! – рявкнул лорд и стукнул кулаком в лакированную дверь. – Открой!

За дверью было по-прежнему тихо. Раздраженный Верони забарабанил кулаком по двери, и гулкое эхо прокатилось по коридору тугой волной.

– Открывай! – крикнул он. – Фарел, нам нужно поговорить!

Ответом лорду было лишь гробовое молчание. Демистон, терпеливо дожидавшийся конца неприятной сцены, вдруг ощутил неприятный холодок на спине.

– Он не был ранен? – тихо спросил он у слуги.

Тот взглянул на своего хозяина. Верони кивнул, и старик повернулся к капитану.

– Нет, господин, – ответил он. – Мастер Фарел плохо себя чувствовал. Мы раздели его и уложили в постель. Никаких ран на теле не было. Только царапина...

– Пустяк, – перебил Джилан, – порез на предплечье, вечно эти мальчишки...

Он запнулся и замолчал, сообразив, что ранение могло быть получено сыном в схватке с Лавеном и вряд ли может быть истолковано как доказательство невинности Фарела.

– Отойдите, – тихо проронил Демистон, думавший совершенно о другом.

– Что? – переспросил лорд с удивлением. – Что вы...

Корд оттолкнул лорда в сторону, отпихнул слугу и откинулся назад. За свою жизнь ему довелось выбить не меньше сотни дверей, и капитан знал – бить нужно не просто ногой, а всем телом. Бить собственным весом, тогда как нога всего лишь наконечник копья, место приложения силы...

Тяжелый армейский сапог ударил в черный лак, и двери с треском распахнулись, выворачиваясь из петель. Изящная медная ручка, вырванная вместе с замком из двери, заплескала по звонкому паркету. Корд прыгнул вперед и, сразу заметив распластанное на полу тело, гаркнул во весь голос:

– Лекаря! Зовите лекаря!

За спиной охнул старик слуга, что-то гневно закричал Верони-старший, но капитан, не обращая на них внимания, ворвался в спальню Фарела.

Даже в полутьме было прекрасно видно тело, лежащее прямо на полу, между развороченной кроватью и низким столиком, уставленным пустыми бутылками. На красном ковре, под телом, проступало темное пятно. Рядом лежал опрокинутый стакан.

Капитан бросился к телу, упал на колени. Обнаженный Фарел лежал на животе, уткнувшись лицом в пол. Корд ухватил его за плечи, потянул на себя, и тут же выругался. Верони младший был мертв – его застывшее тело холодило руки капитана, а от ковра пахло не вином, а мочой.

– Проклятье, – зарычал Корд, отпуская труп.

Тот упал на ковер – еще не как застывшая колода, но уже и не как живое тело. Капитан схватил левую руку Фарела, приподнял и сразу обнаружил царапину у сгиба локтя. Маленькую, с едва заметными следами подсохшей крови. Очень аккуратную царапину, сделанную очень острым предметом, больше похожим на инструмент врача. Неудивительно, что ей не придали большого значения – когда-то она была вовсе незаметна. Вот только теперь она вздулась, и побелевшая кожа вокруг нее пошла синими пятнами.

– Я послал за лекарем, – над плечом капитана навис Джилан Верони. – Что тут...

Подавившись последним словом, лорд сдавленно булькнул и закашлялся. Капитан аккуратно отпустил руку покойника и медленно поднялся на ноги. Верони так и стоял, наклонившись над телом, не в силах отвести взгляд от мертвого тела своего сына.

– Фарел, – пробормотал он. – Фарел...

Капитан осторожно, но решительно положил руку на плечо лорда и заставил его выпрямиться. Повернул к себе – как манекен в мастерской у портного. Лицо Верони было бледно-серым, словно застиранная гостиничная простыня. Его глаза были широко распахнуты, а плечи, как почувствовал Корд, ощутимо тряслись.

– Мой сын, – шептали губы, соперничавшие цветом с лицом, – Фарел... Что с ним...

– Он умер, – твердо ответил капитан, сжимая пальцы на плече Верони.

Джилан бесшумно шевелил губами, не в силах отвести взгляд от пронзительных глаз капитана городской стражи.

– Лорд Верони, – настойчиво повторил Корд, пытаясь достучаться до сломленного горем отца. – Лорд Верони, вы слышите меня?

Зрачки Верони сузились, и он помотал головой.

– Да, – тихо ответил он. – Слышу. Сейчас.

– Ваш сын убит, – тихо сказал капитан, надеясь, что гнев не позволит лорду соскользнуть в пучину отчаянья. – В царапине яд.

– Понимаю, – медленно произнес Верони. – Да. Легто.

Его кулаки резко сжались, а на щеках проступили лихорадочные красные пятна.

– Легто, – с угрозой повторил лорд, оскалив мелкие острые зубы. – Он заплатит мне.

– Джилян, – прошептал капитан. – Вы не видели рядом с сыном маленького человечка с худым лицом, который предпочитает кутаться в черный плащ и носит черную широкополую шляпу?

– Нет, – быстро ответил лорд, но опоздал: капитан заметил, как глаза Верони широко распахнулись в немом удивлении.

– Возможно, это он убил вашего сына, – рискнул Корд и был вознагражден вспышкой ненависти в глазах лорда.

– Я... это выясню, – процедил Верони.

Корд поджал губы – ему стало ясно, что Верони знает этого загадочного человечка, но он не из его людей. Но Демистону нужно было больше – он хотел знать, на кого именно работает этот человечек.

– Мой лорд! – раздался от дверей отчаянный вопль.

Демистон резко обернулся, непроизвольно на шаривая рукоять сабли. В дверях застыл слуга-старик. Его седые волосы стояли дыбом, а лицо исказила гримаса неподдельного горя. Вцепившись сухими пальцами в развороченный дверной проем, он смотрел на пол, на тело Верони-младшего. Из-за плеча старика выглянул приземистый человек с пухлыми румяными щеками, напоминавший повара. Увидев тело, он что-то буркнул, оттолкнул слугу и бросился к Фарелу, расстегивая на ходу большую кожаную сумку. Демистон, опознав в прибывшем лекаря, обернулся к лорду Верони, но было поздно – тот отошел в сторону и застыл над телом сына, безучастно наблюдая за суетой лекаря.

– Лорд Верони, – позвал капитан.

Тот бросил на гостя холодный взгляд, и Корд понял, что Джилян окончательно пришел в себя.

– Капитан Демистон, – медленно произнес лорд. – Благодарю вас за ваше... предположение. А сейчас, пожалуйста, оставьте нас.

Корд посмотрел на мертвого Фарела, застывшего у ног отца, и медленно склонил голову.

– Примите мои соболезнования, лорд Верони, – сказал он, отводя взгляд от мертвеца.

Джилян сдержанно кивнул, и Корд, развернувшись на каблуках, пошел к дверям.

– Вилам, – лорд повысил голос. – Проводи гостя.

Потрясенный старик вскинул голову, словно очнувшись от кошмарного сна, и отлепился от двери. Он улыбнулся капитану – вымученной улыбкой, раз и навсегда заученной для обращения к господам, – и медленно зашаркал по коридору.

Корд шел следом, едва сдерживаясь, чтобы не пуститься бегом. Он отчаянно кусал губу, пытаясь разрешить новый ребус, появившийся перед ним. С одной стороны, все было ясно. Но с другой...

Из ворот особняка Верони он выскочил будто ошпаренный и с ходу взлетел в седло заплывшей лошади.

– Пошлите гонца в Башню! – крикнул он сержанту, изумленно взирающему на начальство. – Фарел Верони мертв!

И вонзил каблуки в бока своего пожилого скакуна. Сейчас он хотел только одного – поговорить со старшим Летто. Немедленно.

* * *

На узкой улочке было тихо. Высокие стены каменных домов стиснули ее с двух сторон, как скалы, стискивающие потаенную тропу. Здесь, на оборотной стороне роскошных особняков, мало кто бывал. Зеленщик с корзинами, молочник с тележкой, мясник... Вот кто обычно навещал эти задворки. Крепкие дубовые двери с зарешеченными окошечками сливались с темными камнями, стараясь стать незаметными. Сюда почти никогда не заглядывало солнце, здесь царствовали тени. Даже слуги из особняков пользовались безымянной улочкой с великой неохотой – в одиночку лучше не появляться в этом лабиринте. Особенно вечером, когда в крошечной тьме здесь так легко встретить того, кто без лишних слов пырнет встречного кинжалом – просто так, проходя мимо, только из-за того, что времена нынче беспокойные и лучше ударить первым, не дожидаясь встречного выпада.

И все же этим стылым утром и этому мрачному уголку досталось немного тепла. Непривычно яркое для осени солнце раскинуло над городом шатер из пылающих лучей, такой плотный, что его отблески проникли даже на безымянную улочку. На самом ее дне таились тени, но выше, там, где кончался камень и начиналось небо, сияли золотые искры.

Стая голубей взвилась над домами – видимо, по соседней площади, излюбленном месте завтрака сизокрылых, проскакал всадник. Облако птиц взметнулось в небо, рассыпалось над крышами. Потом сгустилось вновь, и голуби, не особо и торопясь, потянулись обратно к площади, где на нагретых солнцем камнях их ждали любимые крошки.

Один из голубей отстал и, пролетая над расселиной городского пейзажа, спустился ниже, словно пытаясь заглянуть на самое дно безымянной улочки. Сделав круг над черной пропастью, он лениво, словно нехотя, опустился ниже и нырнул в темноту меж каменных стен.

Пролетев почти всю улочку, он развернулся, едва не чиркнув крыльями о камень, вернулся обратно и спланировал к крохотному козырьку над одной из ничем не приметных дверей. Отчаянно хлопая крыльями, голубь с лету взгромоздился на козырек, закачался на самом краю. Взмах крыльев поднял клуб пыли, птица дернулась, пытаясь взлететь, но все же осталась на месте, словно раздумав в последний момент. Она сложила крылья, потопталась на месте, а потом, вытянув шею, с тревогой глянула на неприметную дверь. Сначала одним глазом. Потом, звучно гукнув, другим.

Дверь была закрыта.

Тогда голубь задрал голову – совсем не по-птичьи, а словно копируя человека, – и взглянул вверх, на гладкую стену, над которой нависал карниз пологой крыши с водостоком на самом краю. В стене не было окон. На крыше – как голубь уже знал – тоже.

Птица потопталась на своем узком насесте и снова уставилась на дверь. Наохлилась, присела – словно собралась спать. Да так и осталась сидеть, не сводя глаз с дубовой двери, перехваченной стальными полосами.

В дальнем уголке безымянной улочки, в том, что оказался за спиной у слишком умной птицы, вздрогнула темнота. Тени сгустились, словно пытаясь превратиться в нечто более осязаемое, и приняли форму человеческого силуэта. Он бесшумно проступил из тени прямо на стене, будто сотканный умелой рукой из нитей темноты, и превратился в реальность.

Это был невысокий человек в широкополой шляпе, надвинутой на самые глаза. Его подбородок терялся в высоком воротнике черного плаща, скрывавшего очертания фигуры.

Человек зашевелился, и черный плащ бесшумно раскрылся, выпустив наружу руку в черной перчатке. Длинная и гибкая, словно змея, рука согнулась, словно выуживая что-то из плаща, а потом вдруг распрямилась.

На дне темного колодца безымянной улицы сверкнул металл, и голубь взорвался ворохом перьев.

Уже мертвую тушку отбросило с карниза над дверью в темноту улицы. Он тяжело шлепнулся на камни мостовой, забрызгав их темной кровью. Светлые перья тяжелыми хлопьями покружились над дубовой дверью и скорбно опустились к ее порогу, как первый в этом году снег.

Силуэт человека вжался в каменную стену и растворился в тени, весь, без остатка, словно лед растаял в теплой воде.

Дверь, словно только того и ждала, тихонько приоткрылась. Потом, осмелев, распахнулась во всю ширь, выпустив в полутьму двух человек – низенького толстяка и широкоплечего грузного типа. Толстяк, в черной бархатной маске, свернул направо и начал подниматься по улице – к выходу на площадь. Здоровяк, прикрывавший лицо краем плаща, пошел в противоположную сторону, вниз, к лабиринту улочек, что должен был вывести его к кварталу Мастеровых.

Дверь осталась открытой. И лишь когда гости скрылись из виду, из темного проема выглянул высокий старик с гривой седых волос, рассыпанных по плечам. Он бросил взгляд по сторонам, словно надеясь увидеть то, что было скрыто от чужих глаз.

– Тень, – тихо позвал старик.

В самом мрачном углу тьма вздрогнула, услышав свое имя.

– Делай, как договорились, – бросил старик и нырнул обратно в темноту дома.

Тяжелая дубовая дверь, окованная стальными полосами, захлопнулась, разметав белые перья по камням, забрызганным кровью. Улица неслышно вздохнула, переводя дух, и в этом заброшенном месте вдруг стало светлее. Словно какая-то частица тьмы покинула ее, отправившись в место иное, туда, где ее никто не ждал.

* * *

Особняк лорда Гиера Летто находился на другой стороне города, и Демистон выбрал кратчайший путь – прямую. Он гнал своего случайного скакуна галопом по брусчатке так, словно это был жеребец из почтовых конюшен, намереваясь стрелой прилететь к воротам особняка Летто. Но немного просчитался – через пару сотен метров пожилая коняга выдохлась и заупрячилась. Ей уже довелось сегодня побегать между Башней Стражи и дворцом по брусчатке, и теперь она мечтала о тихом стойле и достойном обеде. Раздраженный капитан пустил ее легкой трусцой, чтобы окончательно не загнать, и принялся отчаянно браниться себе под нос. Шагом или трусцой – все одно так быстрее, чем пешком.

Проезжая мимо Королевской площади, он привычно нашел взглядом Башню Стражи, что высилась на самом краю. У входа томились пяток стражников из дневной смены, а рядом стоял стражник в коричневом плаще гонца. Он держал под уздцы серого мерина, довольно свежего на вид. Потратив на размышления не больше мгновения, Демистон дернул поводья и свернул к Башне. Ничего. Летто подождет.

У входа в караулку капитан выслушал приветствия стражников и велел им держать гонца за руки за ноги, никуда не отпуская. Потом, не слушая протестующие вопли удивленного вестника, Демистон поднялся на второй этаж.

Лейтенант все еще корпел над отчетом для Горана. Судя по скомканным листам, валяющимся под столом, с письменным изложением мыслей у Легерро было плоховато.

Не ответив на приветствие, Корд вкратце изложил лейтенанту результаты своего визита в особняк Верони и велел присовокупить их к отчету. И посоветовал писать кратко, чтобы составить отчет, пока не стряслось еще что-нибудь этакое. Оставив Легерро в полном унынии обозревать фронт предстоящих письменных работ, Демистон спустился к выходу и в довольно

грубой форме изложил взбешенному гонцу, куда он может засунуть свои жалобы. После чего без лишних слов взобрался в седло серого мерина и отбыл к особняку Летто, оставив уставшую рыжую конягу расстроенному вестовому.

На этот раз капитану для разнообразия повезло – мерин оказался отдохнувшим, полным сил и готовым мчаться даже по булыжной мостовой. Путь до особняка Летто Демистон проделал с ветерком, пугая прохожих, попадавшихся ему на пути.

Дом Гиера Летто, получившего титул лорда Королевского Совета в наследство от отца – крупного землевладельца, – больше всего напоминал казарму. Каменная коробка в три этажа, никаких украшений, блекло-серые цвета, на окнах деревянные ставни, за которыми скрывались решетки... И каменный забор с торчащими по верху заостренными шипами. Подъезжая к железным воротам, выходящим на улицу, Корд подумал, что в таком обиталище ему бы не хотелось жить. То ли крепость, то ли тюрьма... Чего так боялся предок Гиера Летто, когда выстроил такой дом, способный выдержать осаду? Городских бунтов? Восстаний? Осады города? Так или иначе, но Корд был уверен, что Гиер, выросший в этом мрачном жилище, будет не слишком откровенным и приветливым собеседником.

У закрытых ворот, состоявших, казалось, из одних только железных полос, стояли пятеро стражников из дневной смены, с которой обычно работал Горан. Капитан подъехал ближе, спешился и бросил поводья ошалевшему от такого обращения стражнику.

– Горан здесь? – поинтересовался капитан у него, прежде чем старший в патруле сержант успел открыть рот.

– Так точно, – отрапортовал стражник, без труда различив начальственные нотки в голосе визитера. – Только что вернулись с господином Летто от королевского дознавателя.

Демистон довольно кивнул и подошел к воротам. Сержант, попытавшийся было ухватить его за рукав, был вознагражден таким злобным взглядом, что тотчас отдернул руку.

– Капитан городской стражи Корд Демистон, Королевский квартал, – представился Корд. – Что-то хотите сказать мне, сержант?

– Никак нет, – бодро отозвался тот.

Демистон снова смерил его долгим взглядом, словно предупреждая – возьму на заметку, – а потом заколотил сапогом в железные ворота особняка Летто.

Открыли ему быстро – видно, ждали гостей: из широкой щели в воротах высунулась откормленная бородатая морда, подходящая больше разбойнику, чем привратнику в доме лорда.

– Чего надо? – буркнула она.

Капитан, уже взявший на изготовку бумажную трубочку приказа о содействии, сунул ее обратно за ворот – такая морда и читать-то не умеет.

– Капитан Горан здесь?! – рявкнул он.

– Ну, да, – задумчиво отозвался дюжий привратник, – туточки.

– Веди к нему, – приказал капитан и шагнул вперед. – Именем короля!

Ошеломленный верзила попятился, пропуская напористого гостя во двор, и тут же захлопнул за ним ворота, вспомнив о бдительности.

Пока привратник возился с огромным засовом, Корд успел окинуть взглядом внутренний двор особняка Летто. Вместо брусчатки – утоптанная земля с редкими зарослями газонов, в углу притулилась низкая, но длинная конюшня, рядом – маленькая кузня с потухшим горном. Рядом с ней – десяток дюжих верзил, похожих на привратника и шириной плеч, и наглыми мордами. Тычут друг другу под нос широкие клинки старой работы, извлеченные, не иначе, из дедушкиных сундуков.

Почувствовав на плече тяжелую ладонь, Корд обернулся.

– Кто таков? – осведомился привратник, шумно сопя.

– Капитан стражи Демистон, – холодно отозвался Корд. – Где капитан Горан?

Широкая ладонь разжалась, упала с плеча.

– У лорда они, – отозвался здоровяк. – Где ж еще.

– Так веди к нему! – взъярился капитан. – В цепи захотел, бандитская рожа?

Привратник обиженно засопел и потопал ко входу в дом Летто по раскисшей от ночной влаги дорожке. Капитан двинулся следом, старательно примечая – нет ли во дворе еще какой ватаги добрых молодцев. Пока что ничего похожего на домашнее войско он не заметил. Неприятностей от Летто, должно быть, ждать не стоит – если только в этом мрачном доме не укрылась сотня вооруженных наемников.

Изнутри особняк Летто тоже напоминал казарму – чистые пустые коридоры, стены выкрашены светлой краской, никаких картин, гобеленов, пуфиков, ковров и прочих собирателей пыли. Не видно ни домашних, ни слуг. То ли лорд Летто и впрямь сторонник простого образа жизни, то ли это картинка для неожиданных гостей вроде королевских счетоводов. Так или иначе, но Корду дом нравился все меньше. В этой казарме и впрямь можно спрятать отряд, готовый начать беспорядки в городе.

Покои лорда Летто располагались на втором этаже, таком же унылом, как и первый. О том, что лорд принимает гостей, Демистон узнал сразу – возмущенный гул голосов катился по пустому коридору, как жестянка внутри пустой бочки. Слов не разобрать, но ясно – не дружеская попойка, а спор до хрипоты.

Огромную дверь из дубовых досок, подходящую больше замку барона, а не столичному особняку лорда, капитану пришлось открывать самому – провожатый ясно дал понять, что в прислугу он всяким мимохожим гостям не нанимался. Дверь тяжело повернулась на скрипнувших петлях, и Демистон с разгона окунулся в яростный спор.

В центре маленькой комнаты, напоминавшей каменный мешок, если бы не огромное окно, забранное железной решеткой, стоял длинный дощатый стол. На нем виднелись остатки трапезы – полупустые тарелки, откупоренные бутылки, недопитые бокалы... Собеседники, разделенные столом, стояли на ногах и чуть ли не рычали друг на друга: капитан Горан, исполненный благородного служебного гнева, и упитанный великан, заросший черной разбойничьей бородой – лорд Гиер Летто, отец покойного Лавена. Оба не обратили на вошедшего никакого внимания: лорд требовал от Горана немедленно арестовать Верони-младшего. Капитан же довольно грубо советовал дожидаться распоряжения Верховного королевского дознавателя, ибо только по его указанию можно заковать в цепи лорда Королевского Совета или члена его семьи. Судя по раскрасневшимся лицам и довольно простецким выражениям, спор шел давно, оба собеседника успели надоесть друг другу хуже горькой редьки и не чаяли, как избавиться друг от друга.

Корд пинком закрыл дверь, и дубовая махина гулко хлопнула о косяк, заглушая брань, сорвавшуюся с губ Гиера Летто.

– Доброго вам дня, господа, – поздоровался Демистон с мигом умолкшими собеседниками.

– Демистон! – возопил капитан Горан, и в его покрасневших глазах возникло странное выражение, которое Корд истолковал как надежду на скорое избавление. – До чего же вы вовремя!

Хозяин дома поджал пухлые губы и с подозрением воззрился на незваного гостя.

– Капитан, – Корд поклонился Горану и повернулся к лорду: – Лорд Летто, позвольте представиться – капитан городской стражи Королевского квартала Корд Демистон.

– А, – буркнул лорд, и его огромное брюхо, затянутое черным шелком, затряслось. – Пират. Слышал.

Корд бросил на него яростный взгляд, прикидывая – если сейчас он выхватит саблю и снесет башку этому толстяку, то удастся ли сохранить свою тайну, или же она давно перестала быть тайной и даже убийство лорда не скроет ее вновь?

Гиер Летто попятился, невольно нащупывая рукоять кинжала, заткнутого за широкий пояс.

Горан с удивлением глянул на хозяина дома, но потом вновь повернулся к сослуживцу.

– Корд, помогите мне убедить лорда Летто, что арест младшего Верони невозможно произвести без доказательств его вины, – попросил он.

– Вы были у королевского дознавателя? – спросил Корд, не обращая внимания на вопрос.

– Два раза! – воскликнул Горан. – Указа об аресте нет и не будет до той поры, пока мы не представим убедительных доказательств вины Фарела Верони. Что вам удалось узнать в особняке Броков? Если есть хотя бы свидетель ссоры или угроз, мы могли бы...

– У Броков никто ничего не видел, – отрезал Корд, – и мы не сможем арестовать младшего Верони.

– Чушь! – взревел Гиер, наливаясь кровью. – Вы не сможете, так я...

– И вы тоже ничего не сделаете с ним! – рявкнул Корд. – Потому что Фарел Верони мертв!

Летто отшатнулся от разъяренного гостя, озадаченно заморгал и отпустил рукоять кинжала.

– Как же... – пробормотал ошеломленный Горан. – Как это случилось?..

– Я только что из особняка Верони, – уже спокойнее произнес Демистон. – Фарел Верони был оцарапан отравленным клинком. И пока его отец думал, что у сына похмелье, тот умирал в своей комнате. Когда я зашел в комнату, он был уже мертв.

– Проклятье, – выдохнул капитан Горан, опускаясь на стул, отодвинутый от стола. – Теперь еще и это...

Лорд Летто запустил пятерню в густую бороду и задумчиво поскреб подбородок, словно это должно было помочь ему осознать последствия произошедшего.

– Значит, мальчишка сдох, – сказал он. – Это хорошо... Но странно.

– Лорд Гиер Летто, – отчеканил Демистон, – властью, данной мне королем, я требую показать мне оружие вашего сына, которое было при нем вчерашней ночью.

– Что? – завопил лорд. – Клинок моего сына? Летто никогда не опускались до ядов!

– Господа, – Горан приподнялся на стуле, тяжело опираясь о столешницу. – Пожалуйста, успокойтесь. Сначала нам следует доложить о происшедшем королевскому дознавателю...

– Потом, – отрезал Демистон. – Лорд Летто, у вас есть прекрасная возможность доказать, что на клинке вашего сына не было яда. Просто покажите мне эту проклятую штуку. Прямо сейчас.

– Я те покажу, – пообещал лорд с недобрым блеском в глазах. – Я тебе такую штуку покажу, шпик...

Корд сделал шаг вперед, и лорд опять попятился, на этот раз вжавшись широкой спиной в стену – дальше отступить было некуда.

– Прекрасная возможность, лорд, – холодно произнес капитан, – помочь расследованию обстоятельств гибели вашего сына. Чем быстрее вы это сделаете, тем быстрее прояснится ситуация. Где оружие?

– Ну, я, – прижатый к стене лорд завертел головой, пытаясь нащупать путь к отступлению, чтобы оказаться подальше от холодного взгляда бывшего наемного убийцы. – Наверно, клинок еще в комнате Лавена...

– Пойдемте туда, – поддержал сослуживца Горан. – Прямо сейчас. Осмотрим клинок. Я уверен, что на нем нет яда, лорд. Но эти вновь открывшиеся обстоятельства позволят нам снова обратиться к дознавателям и потребовать очистить имя вашего сына от подозрений.

– Очистить? – буркнул лорд. – Ну да. Идите за мной.

Он оттолкнулся от стены, обошел стороной застывшего посреди комнаты Демистона и потопал к двери. Горан подскочил к Демистону и жарко зашептал ему на ухо:

– Сохраняйте спокойствие, Корд. Главное – осмотреть клинок и вернуться в Башню, чтобы составить доклад. Если вы сейчас разозлите Летто, он вышвырнет нас и мы никогда не увидим оружие его сына.

Демистон раздраженно дернул плечом и пошел следом за хозяином дома, не слушая новые бредни сослуживца об отчетах и докладах, предназначенных для Королевских дознавателей. Горану хотелось лишь одного – как можно быстрее скинуть это дело со своих плеч, переложив всю ответственность на дознавателей. А Корд хотел иного – знать, что произошло на самом деле.

Комната Лавена располагалась дальше по коридору, в самом углу. Широкие черные двери были заперты, но лорд снял с шеи огромный ключ на цепочке и открыл замок. Потом распахнул створки – с яростью и злостью, подчеркивая, что действует, лишь подчиняясь страже. Войдя в комнату сына, он застыл на пороге, сложив руки на пухлой груди.

Корд проскользнул мимо него, собираясь как следует обшарить комнату, но этого не понадобилось. Большая комната была обставлена скромно, под стать пустым коридорам. Широкая и по-армейски аккуратно застеленная кровать стояла в углу, рядом высился одинокий платяной шкаф. На стене висело разнообразное оружие – от старых двуручных мечей до новомодных узких клинков. Во внешней стене виднелись три больших окна, выходящих во двор особняка. На них не оказалось решеток, но шторы были задернуты, и в комнате царил полумрак. «Очень скромно для наследника лорда Королевского Совета, – подумал Корд. – Или слишком роскошно для сына, из которого воспитывали солдата?» У него создавалось впечатление, что хозяин комнаты просто еще не вернулся с ночной прогулки.

– Так где оружие? – подал голос Горан из-за плеча Летто. – Лорд?

– Там, – кивнул Летто, хмуря густые брови. – У кровати. Все его вещи теперь здесь.

Корд осторожно приблизился к кровати, стараясь ступать по возможности тихо. Он не хотел тревожить эту комнату, погруженную в скорбь по владельцу, который уже никогда не вернется. У кровати он обнаружил низкий стул, больше походивший на табурет со спинкой. На нем были аккуратно разложены вещи – черные бриджи, широкий пояс, камзол... и черный колет с прорехой на груди, весь залитый темной, уже подсохшей кровью. Под стулом стояли высокие армейские сапоги. Рядом с ними лежал клинок – тот самый узкий «вертел», который так полюбили городские модники. Скромные черные ножны, простое перекрестье эфеса, тонкая рукоять, перевитая проволокой... Действительно, оружие, а не украшение знати.

Корд опустился на колени, чувствуя, как легкий ветерок ерошит волосы на затылке, словно протестуя против вмешательства в дела мертвых. Не обращая на это внимания, Демистон подобрал «вертел» и осторожно вытащил клинок из ножен. Не касаясь лезвия руками, поднес острое поближе к глазам.

– Горан, – тихо позвал он. – Подойдите.

Капитан быстро приблизился и присел на корточки рядом с Демистоном. Над ними обоими склонился сопящий от натуги Летто.

– Смотрите, – сказал Корд.

Острое клинка было грязным, словно по сверкающей стали размазали густую черную жижу. Немного, пару капель – но на чистом клинке они были заметны так же хорошо, как кровь на снегу.

– Это не кровь, – тихо сказал Демистон.

– Проклятье! – взревел лорд Летто. – Не может быть! Не верю!

– Думаете, это яд? – спросил Горан, стараясь отодвинуться подальше от клинка, сверкающего перед его лицом.

– Уверен, – отозвался Корд.

– Это... Это сильно меняет дело, – озабоченно произнес Горан, поднимаясь на ноги. – Думаю, теперь картина произошедшего стала намного яснее.

– А вот я в этом не уверен, – буркнул себе под нос Демистон.

– Мой мальчик никогда... – загремел лорд, – никогда бы не опустился до такого! Летто никогда не пользовались ядами! Хороший удар в сердце, это да, но яд!

– Лорд Летто, – обратился к нему Горан. – Мы забираем этот клинок. Надо показать его медикам, чтобы определить...

– Никогда не стал бы, – бормотал ошеломленный лорд. – Это безумие... Обман!

Корд еще раз осмотрел острие клинка. На стали не было засохшей крови, только странная жижа. Свежая. Еще блестящая влагой. Да и острие «вертела» никак не напоминало острый инструмент, которым можно аккуратно разрезать кожу, оставив лишь легкую царапину.

Капитан положил клинок на пол и выпрямился, впиваясь взглядом в побелевшее как мел лицо лорда.

– Скажите, лорд, в последнее время вам не попадался на глаза маленький человечек, который носит черный плащ и широкополую шляпу?

– Что? – искренне удивился Летто, вскинув кустистые брови. – Какой, к псам, человечек? Вы что, спятили? Мой сын... Убитый сын будет обвинен в трусости, а вы про каких-то человечков?

Порыв ветра закрутил штору, заставил ее взметнуться, и Корд бросил на нее недовольный взгляд – что за манера оставлять открытые окна осенью...

– Вот пакость, – выдавил он и бросился к окну.

Обеими руками он содрал штору и бросил ее на пол, не обращая внимания на истошный крик лорда. Окно было приоткрыто, и крохотный замочек на раме выглядел совершенно целым, но Корд распахнул обе створки и высунулся по пояс на улицу.

Капитан увидел его сразу – темный силуэт, ползущий вниз по самому углу дома, бесшумно, словно тень. Темный плащ сливался с серыми камнями, и если бы Демистон не знал, куда смотреть, то вряд ли бы заметил этот силуэт, что уже спустился с карниза второго этажа и медленно опускался к земле. Даже не к земле – к крыше конюшни, с которой так удобно прыгать через забор.

– Держи вора! – во весь голос гаркнул капитан и шагнул в распахнутое окно.

Каменный карниз, шедший вдоль стены дома, оказался намного уже, чем сначала показалось Корду. И все же он успел в последний момент ухватиться за ставню и удержался на ногах. Большие сапоги, в которых так удобно топтаться по брусчатке, совершенно не подходили для лазанья по стенам – это Демистон понял после первого шага по узкому карнизу. Так и не отпустив ставни, он глянул вниз. Человечек в черном плаще уже почти добрался до земли: ему оставалось лишь разжать руки и мягко приземлиться за углом конюшни. Услышав окрик, он раздумал лезть на крышу. С проклятием Корд попытался сделать еще один шаг, вжался грудью в холодную каменную кладку... и едва не сверзился вниз, когда стершаяся подошва поехала в сторону. Нет. По карнизу не пройти. И обувь не та, и одежда, и кольчуга, хоть и тонкая, но все же тяжелая, да еще и сабля на боку...

– Держите его, олухи! – раскатился над пустым двором мощный рык.

Корд скосил глаза и увидел, что лорд Летто высунулся из окна едва ли не целиком и отчаянно машет руками, указывая на незваного гостя.

На крик хозяина откликнулись сразу – из-за конюшни выскочили крепкие молодцы, еще недавно хваставшиеся друг перед другом дедовскими мечами. Лорда они поняли с полуслова и гурьбой бросились к углу дома. Человек в черном плаще разжал пальцы и рухнул на землю, чуть ли не в руки радостно завопивших слуг.

Демистон наклонился, поставил колено на карниз и, не отпуская ставни, быстро осмотрел стену. Корд не собирался глазеть на драку у стен особняка – он знал, чем она закончится. Корду Демистону, известному когда-то как наемный убийца Кейор Черный, и самому не раз доводилось прыгать со стен в гущу челяди, обозленной неожиданным вторжением. И он до сих

пор жив, а его преследователи... Этот тип в черном плаще, судя по всему, тоже хорошо знал свое дело, и Корд не надеялся, что его остановят небритые чурбаны.

Не обращая внимания на проклятья и крики боли, наполнившие двор, капитан нагнулся еще ниже и нашел то, что искал, – крепкую железную решетку, закрывавшую окно первого этажа. Не слушая отчаянных криков лорда, взывавшего к благоразумию капитана, Демистон отпустил ставни, извернулся и упал с карниза.

Руки скользнули по холодному металлу, намертво вцепились в перекладину, и Корд с размаху хлопнулся грудью о решетку. Дыхание перехватило, но капитан чуть разжал пальцы и съехал вниз. Глянул под ноги – до земли было еще далеко. Повиснув на одной руке, второй Демистон сорвал с плеча перевязь с клинком и надел прочную медную пряжку на острие решетки. Потом расстегнул пряжку, и перевязь распустилась, превратившись в подобие веревки. Ножны с саблей заскользили по распустившейся перевязи и ухнули вниз. Следом за ними последовал и Корд – обдирая до крови ладони о грубую кожу. Когда импровизированная веревка кончилась, капитан разжал пальцы – до земли оставалось не так уж далеко.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.